

ed

BRINSON

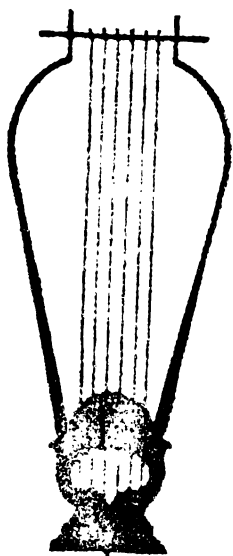
URBI ET ORBI

ЭТО ИЗДАНИЕ ПОВТОРЕНО НЕ БУДЕТЪ.

243/735

ТИПОГРАФІЯ О-ВА РАСПР. ПОЛ. КНИГЪ, АРЕНД. В. И. ВОРОНОВЫМЪ
МОХОВАЯ, ПРОТИВЪ МАНЕЖА, Д. КН. ГАГАРИНА.

ЗЕМЛИ И ВОДЫ

ВАЛЕРИЙ БИЮСОВЪ
СТИХИ 1900-1903 Г.
К-ВД «СКЛЕРИПЪ»

XLBG47.52
✓

ТОГО ЖЕ АВТОРА

въ томъ же книгоиздательствѣ:

- Tertia Vigilia*. Книга новыхъ стиховъ (1897—1900 г.) Съ вѣнчикомъ М. Дурнова. Мск. 1900 г. Ц. 1 р. Осталось самое ограниченное число экземпляровъ.
- Письма Пушкина къ Пушкину. Новые материалы. Приложены факсимиле писемъ, стиховъ и рисунковъ Пушкина. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Мск. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Далекіе и близкіе. Литературныя характеристки. (Статьи изъ журналовъ: Русскій Архивъ, Миръ Искусства, Новый Путь, Ежемѣсячныя Сочиненія и др.). Готовится къ печати.

799438

7773
20

74*2 (GPI)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга стиховъ должна быть не случайнымъ сборникомъ разнородныхъ стихотвореній, а именно книгой, замкнутымъ цѣлымъ, объединеннымъ единой мыслью. Какъ романъ, какъ трактатъ, книга стиховъ раскрываетъ свое содержаніе послѣдовательно отъ первой страницы къ послѣдней. Стихотвореніе, выхваченное изъ общей связи, теряетъ столько же, какъ отдѣльная страница изъ связнаго разсужденія. Отдѣлы въ книгѣ стиховъ — не болѣе какъ главы, поясняющія одна другую, которыхъ нельзя переставлять произвольно.

Въ этой книгѣ собраны мои стихи за послѣдніе три года (1900—1903). Стихи соединены въ ней, повидимому, по внѣшнимъ признакамъ; есть даже такія искусственныя подраздѣленія, какъ «Сонеты и терцины». Но различіе формы всегда было вызвано различіемъ содержанія. Нѣкоторыя названія отдѣловъ, напр. «Элегія», «Оды», взяты не въ обычномъ значеніи этихъ словъ. Но значеніе, придаваемое имъ учебниками, идетъ отъ временъ французскаго лже-классицизма и тоже отличается отъ ихъ первоначальнаго смысла, какой они имѣли у античныхъ поэтовъ.

Нѣкоторые стихи необычны по размѣрамъ. Въ частности, въ отдѣлѣ «Пѣсни» я пытался перенять формы современныхъ народныхъ пѣсенъ, такъ называемыхъ «частушекъ», а въ отдѣлѣ «Исканія» — старался усвоить русской

литературѣ нѣкоторыя особенности «свободнаго стиха», vers libre, выработанаго во Франціи Э. Верхарномъ и Ф. Вьеле-Гриффиномъ и удачно примененнаго въ Германіи Р. Дэмелемъ и Р. Рильке. Стихъ, какъ наиболее совершенная форма рѣчи, въ отдаленномъ будущемъ несомнѣнно вытѣснить прозу во многихъ областяхъ, прежде всего въ философіи. На современной поэзіи лежитъ между прочимъ и задача—искать болѣе свободнаго, болѣе гибкаго, болѣе вмѣстительнаго стиха.

Валерій Брюсовъ.

Старое Село, лѣто 1903.

К. Д. БАЛЬМОНТУ

ПОЭТУ И БРАТУ.

ДУМЫ.

ПРЕДЧУВСТВІЯ.

I.

ВСТУПЛЕНИЕ.

По улицамъ узкимъ, и въ шумѣ и ночью, въ театрахъ, въ садахъ я бродилъ,
И въ явственной думѣ грядущее видя, за жизнью, за сущимъ слѣдилъ.

Я пѣсни слагалъ вамъ о счастья, о страсти, о высяхъ, границахъ, путяхъ,
О прежнихъ столицахъ, о будущей власти, о всемъ, распростертомъ во прахъ.

Спокойныя башни, и бѣлыя стѣны, и пѣна раздробленныхъ рѣкъ
Въ восторгѣ всегдашнемъ дрожали, внимали стихамъ, прозвучавшимъ навѣкъ.

И дѣвы и юноши встали, встрѣчая, вѣнчая меня, какъ царя,
И тѣнямъ подобно лилась по ступенямъ потокомъ широкимъ заря.

Довольно, довольно! я васъ покидаю! берите и сны и слова!
Я къ новому раю спѣшу, убѣгаю, мечта неизмѣнно жива!

Я создалъ, и отдалъ, и поднялъ я молотъ, чтобъ снова сначала ковать.
Я счастливъ и силенъ, свободенъ и молодъ, творю, чтобы кинуть опять!

II.

ЛѢСТНИЦА.

Все каменнѣй ступени,
Все круче, круче всходъ.
Желанье достижений
Еще влечетъ впередъ.

Но думы безнадежнѣй
Подъ пылью долгихъ лѣтъ.
Увѣренности прежней
Въ душѣ упорной—нѣтъ.

Помедливъ на мгновенье,
Бросаю взглядъ назадъ:
Какъ бѣлой цѣпи звенья—
Ступеней острыхъ рядъ.

Ужель въ быломъ ступала
На всѣ нога моя?
Давно ушло начало,
Въ безбрежности края,

И лѣстница все круче...
Не оступлюсь ли я,
Чтобъ стать звѣздой падучей
На небѣ бытія?

III.

ПОСЛѢДНЕЕ ЖЕЛАНЬЕ.

Гдѣ я послѣднее желанье
Осуществлю и утолю?
Найду ль немислимое знанье,
Которое таясь люблю?

Приду ли въ скитъ уединенный,
Горящій главами въ лѣсу,
И въ келью бредъ неутоленный
Къ ночной лампадѣ понесу?

Иль въ городѣ, гдѣ стѣны давятъ,
Въ часы безумныхъ баррикадъ,
Когда Мечта и Буйство правятъ,—
Я слиться съ жизнью буду радъ?

Иль навсегда привѣтивъ книги,
Вѣковъ мечтами упоенъ,
Я вамъ отдамся,—миги! миги! —
Бездонный, многозвонный сонъ?

Я разныхъ ратей былъ союзникъ,
Носилъ чужія знамена,
И вотъ опять, какъ алчный узникъ,
Смотрю на волю изъ окна.

IV.

У СЕБЯ.

Такъ все повятно и знакомо,
 Ко всѣмъ изгибаю глазь привыкъ;
 Да, не ошибся я, я—дома:
 Цвѣты обоевъ, цѣпи книгъ...

Я старый пепель не тревожу,—
 Здѣсь былъ огонь и вотъ остылъ.
 Какъ змѣй на сброшенную кожу,
 Смотрю на то, чѣмъ прежде былъ.

Пусть много гимновъ не допѣто,
 И не исчерпано блаженствъ,
 Но чую блескъ иного свѣта,
 Возможность новыхъ совершенствъ!

Меня зоветь къ безвѣстнымъ высямъ
 Въ горахъ поющая весна,
 А эта груда женскихъ писемъ
 И не жива, и холодна!

Лучей зрочки горять на росахъ,
 Какъ серебромъ все залито.
 Ты ждешь меня у двери, посохъ!
 Иду! иду! со мной—никто!

V.

ПОБѢГЪ.

И если страстный, въ часъ завітный
Заслышу я мой трубный звукъ...

Tertia Vigilia.

Мой трубный гласъ, ты мной слышанъ
Сквозь утомленный сладкій сонъ!
Альковъ, таинствененъ и пышенъ,
Насъ облегалъ со всѣхъ сторонъ.

И въ этой мглѣ прошли—не знаю,—
Быть можетъ, годы и вѣка.
И я былъ странно близокъ раю,
И жизнь шумѣла, далека.

Но вздрогнулъ я, и вдругъ воспрянулъ,
И разорвалъ кольцо изъ рукъ.
Какъ молнія, мнѣ въ сердце глянулъ
Побѣдно возраставшій зву къ.

И сонъ, который былъ такъ дологъ,
Вдругъ краткимъ сталъ, какъ все во снѣ.
Я распахнулъ тяжелый пологъ
И потонулъ въ палящемъ днѣ.

Въ послѣдній разъ взглянулъ я свыше
Въ мое высокое окно:
Увидѣлъ солнце, небо, крыши
И города морское дно.

И странно мнѣ открылась новой,
Въ тотъ полный и мгновенный мигъ,
Вся жизнь толпы многоголовой,
Заботы вспѣненный родникъ.

И я—въ слезахъ, что снова, снова
Душѣ открылся міръ другой,—
Бѣгу отъ пышнаго алькова,
Безумный, вольный и нагой!

VI.

РАБОТА.

Здравствуй, тяжкая работа,
 Плугъ, лопата и кирка!
 Освѣжаютъ капли пота,
 Ноеть сладостно рука!

Прочь вѣнки, дары царевны,
 Упадай порфира съ плечь!
 Здравствуй, жизни повседневной
 Грубо кованная рѣчь!

Я хочу извѣдать тайны
 Жизни мудрой и простой.
 Всѣ пути необычайны,
 Путь труда, какъ путь иной.

Въ часъ, когда устанетъ тѣло,
 И ночлегомъ будетъ хлѣвъ,—
 Мнѣ подъ кровлей закоптѣлой
 Что приснится за напѣвъ?

Что возстануть за вопросы,
Опьянять что за слова,
Въ часъ когда подь наши косы
Ляжетъ влажная трава?

А когда и въ дождь и въ холодъ
Зазвонитъ кирка моя,
Буду ль вѣрить, что я молодеь,
Буду ль знать, что силенъ я?

VII.

ИСКАТЕЛЬ.

О, прекрасная пустыня!
Прійми мя въ свою густыню.

Народный стихъ.

Пришелъ я въ крайнія пустыни,
Брсжу въ лѣсахъ, гдѣ нѣтъ путей,
И долго мнѣ не быть отнынѣ
Среди ликующихъ людей!

За мной послѣдняя просьба,
Въ грозящей чашѣ нѣтъ слѣда.
Въ напѣвы птицъ зовъ человѣка
Здѣсь не врывался никогда.

Что я увижу? Что узнаю?
Какъ примуть тишину мечты?
Какъ будутъ радоваться маю,
Встрѣчая странные цвѣты?

Быть можетъ, на тропахъ звѣриныхъ,
Въ зеленыхъ тайнахъ одичавъ,
Навѣкъ останусь я въ лощинахъ
Впивать дыханье жгучихъ травъ.

Быть можетъ, заблудясь, устану,
Умру въ травѣ подь шелестъ змѣй,
И долго черезъ ту поляну
Не перевьется слѣдъ ничей.

А, можетъ, вѣренъ путь, и вскорѣ
Настанетъ невозможный часъ,
И минетъ лѣсъ—и глянетъ море
Въ глаза мнѣ миллиономъ глазъ.

VIII.

НИТЬ АРИАДНЫ.

Вперяю взоръ, безсилно жадный:
Вездѣ кругомъ сырая мгла.
Какимъ путемъ нить Ариадны
Меня до бездны довела?

Я помню сходы и проходы,
И залъ круги и лѣстницъ винтъ,
Изъ міра солнца и свободы
Вступилъ я, дерзкій, въ лабиринтъ.

Въ рукахъ я несъ клубокъ царевны,
Я шель и пѣль, тянулась нить.
Я счастливъ былъ, что жаръ полдневный
Въ подземной тѣмѣ могу избыть.

И видѣвъ странные чертоги
И посмотрѣвъ на чудеса,
Я повернулъ на поль-дорогъ,
Чтобъ выйти вновь подъ небеса,

Чтобъ послѣ тайнъ безлюдной ночи
Меня ласкала синева,
Чтобъ цѣловать подругу въ очи,
Прочтя завѣтныя слова...

И долго я бѣжалъ по нити
И ждалъ: пахнетъ весна и свѣтъ.
Но воздухъ былъ все ядовитый
И гуще тьма... Вдругъ нити—нѣтъ.

И я одинъ въ беззвучномъ залѣ.
Мой факель пальцы мнѣ обжегъ.
Завѣсой сумерки упали.
Въ бездонномъ мракѣ нѣтъ дорогъ.

Я, путешественникъ случайный,
На подвигъ трудный обреченъ.
Мститъ лабиринтъ! Святыя тайны
Не выдастъ пришельцамъ онъ.

ІХ.

БЛУДНЫЙ СЫНЪ.

Такъ отрокъ Библіи, безумный расточитель...

Пушкинъ.

Ужели, перешедши рѣки,
Завижу я мой отчій домъ
И упаду, какъ отрокъ нѣкій,
Повергнуть скорбью и стыдомъ!

Я уходилъ, исполненъ вѣры,
Какъ лучникъ опытный на ловъ,
Мнѣ снились тирскія гетеры
И сонмъ сидонскихъ мудрецовъ.

И вотъ, что грезилось, все было:
Я видѣлъ все, всего достигъ.
И сердце жгучихъ ласкъ вкусило,
И умъ рѣчей мудрѣ книгъ.

Но расточивъ свои богатства
И кубки всѣхъ отравъ испивъ,
Какъ воръ, свершившій святотатство,
Бѣжалъ я въ міръ лѣсовъ и нивъ.

Я одиночество, какъ благо,
Привѣтствовалъ въ ночной тиши,
И травъ серебряная влага
Была бальзамомъ для души.

И вдругъ такимъ недостижимымъ
Представился мнѣ домъ родной,
Съ его всходящимъ тихо дымомъ
Надъ высыхающей рѣкой!

Гдѣ въ годы ласковаго дѣтства
Святыней чувствъ владѣлъ и я,—
Мной расточенное наслѣдство
На яркомъ пирѣ бытія!

О,—еслибъ было вновь возможно
На міръ лицомъ къ лицу взглянуть,
И безраздумно, безтревожно
Въ мгновеньяхъ жизни потонуть.

X.

У З Е М Л И.

Я бѣ хотѣлъ забыться и заснуть
Лермонтовъ.

Помоги мнѣ, мать земля!
Съ тишиной меня сосватай!
Глыбы черныя дѣля,
Я стучусь къ тебѣ лопатой.

Ты всему живому—мать,
Ты всему живому—сваха!
Перстень свадебный сыскать
Помоги мнѣ въ комьяхъ праха!

Мать, мольбу мою услышь,
Осчастливь послѣднимъ бракомъ!
Ты вѣнчаешъ съ вѣтромъ тишь,
Лугъ съ росой, зарю со мракомъ.

Помоги сыскать кольцо!
Я объ немъ безъ слезъ тоскую
И, упавъ, твое лицо
Въ губы черныя цѣлую.

Я тебя чуждался, мать,
На асфальтахъ, на гранитахъ...
Хорошо мнѣ здѣсь лежать
На грядкахъ, недавно взрытыхъ.

Я—твой сынъ, я—тоже прахъ,
Я, какъ ты,—звено созданій.
Такъ откуда—страсть и страхъ,
И бессонный бредъ исканій?

Въ синевѣ плыветъ весна,
Вѣтеръ вольно носить шумы...
Гдѣ ты, дѣва-тишина,
Жизнь безъ жажды и безъ думы!..

Помоги мнѣ, мать! Къ тебѣ
Я стучусь съ послѣдней силой!
Или ты, въ отвѣтъ мольбѣ,
Обручишь меня съ могилой?

XI.

ВЪ ОТВѢТЪ.

(П. П. Перцову).

Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.

Хомяковъ.

Еще я долго поброжу
По бороздамъ земного луга,
Еще не скоро отрѣшу
Вола усталого—отъ плуга.

Впередъ, мечта, мой вѣрный волъ!
Неволей, если не охотой!
Я близъ тебя, мой кнутъ тяжелъ,
Я самъ тружусь, и ты работай!

Нельзя намъ мига отдохнуть,
Взрывай земли сухія глыбы.
Недологъ день, но длиненъ путь,
Веди, веди свои изгибы.

Ужъ полдень. Жаръ палить сильнѣй.
Не скоро тѣнь надъ нами ляжетъ.
Пустыненъ кругозоръ полей.
«Богъ—помочь!» намъ никто не скажетъ.

2*

А помнишь, какъ пускались мы
Весеннимъ свѣжимъ утромъ въ поле
И думали до сладкой тьмы
Съ другими рядомъ пѣть на волѣ!

Забудь объ утренней росѣ,
Не думай о ночномъ покоѣ,
Иди по знойной полосѣ.
Мой вѣрный волѣ,—насъ только двое!

Намъ Кѣмъ-то Высшимъ подвигъ данъ
И спросить властно Онъ отчета...
Трудись, пока не легъ туманъ,
Смотри: лишь начата работа!

А въ часъ когда намъ темнота
Закроетъ всѣ предѣлы круга,
Не я, а тотъ, Другой,—мечта,
Самъ отрѣшить тебя отъ плуга!

ПЪСНИ.

1.

(ФАБРИЧНАЯ).

Какъ пойду я по бульвару,
Погляжу на эту пару.
Подарилъ онъ ей цвѣтокъ —
Темносиній василекъ.

Я ль не звалъ ее въ бесѣдку?
Предлагалъ я ей браслетку.
Она сердца не взяла,
И съ другимъ гулять пошла.

Какъ они другъ другу любы!
Онъ ее цѣлуетъ въ губы,
И не стыдно имъ людей,
И меня не видно ей.

Онъ улестить, онъ упросить,
Стыдъ дѣвичій она бросить.
Ихъ до дома провожу,
Передъ дверью посижу.

Будеть лампы свѣтъ въ окопкѣ...
Различу ея сережки...
Вдругъ погаснетъ тихій свѣтъ, —
Я вздохну ему въ отвѣтъ.

Буду ждать я утра въ скверѣ,
Она выйдетъ изъ той двери.
На груди ея цвѣтокъ, —
Темносиній, василекъ.

II.

(ФАБРИЧНАЯ).

Есть улица въ нашей столицѣ.
Есть домикъ, и въ домикъ томъ
Ты пятую ночь въ огневицѣ
Лежишь на одрѣ роковомъ.

И каждую ночь регулярно
Я здѣсь подъ окошкомъ стою,
И сердце мое благодарно,
Что видитъ лампадку твою.

Ахъ, еслибъ ты чужла, знала,
Чье сердце стучитъ у окна!
Ахъ, еслибъ въ бреду угадала,
Чья тѣнь поминутно видна!

Не снятся ль тебѣ наши встрѣчи
На улицѣ, въ жуткій морозъ,
Иль наши любовныя рѣчи
И ласки, и ласки до слезъ!

Твой мужъ, задремавши на стулѣ,
Проспить, что ты шепчешь въ бреду;
А я до зари караваю
И только при солнцѣ уйду.

Мнѣ вечеромъ дворники скажутъ,
Что ты поутру отошла,
И молча въ окошко укажутъ
Тебя посрединѣ стола.

Войти я къ тебѣ не посмѣю,
Но, земный поклонъ положивъ,
Пойду изъ столицы въ Рассею
Рыдать на раздоліи нивѣ.

Я въ камняхъ промучился долго,
И въ нихъ загубилъ я свой вѣкъ.
Прими меня, матушка Волга,
Царица великая рѣкъ.

III.

(солдатская).

Такъ-то, братцы, и съ Китаемъ
Церемониться намъ что ль?
Шалками ихъ закидаемъ!
Воевать хотять?—Изволь!

Колотили мы и шведа
Подъ Полтавой въ дни Петра,
Или внуки хуже дѣда?
Или та прошла пора?

Фридрихъ нѣмецъ куралесиль,
Къ намъ совался, вражій сынъ.
Мы ему посбили спеси,
Хвать—и заняли Берлинъ.

Бонапарте вель французовъ,
Жегь Москву, а вотъ пойдн жь!
Заморилъ ихъ всѣхъ Кутузовъ,
Да и мы пришли въ Парижъ.

Подступали англичане
И на Крымъ обожглись.
Севастопольскія брани
Въ міръ громомъ отдались.

Ну, а что до этихъ турокъ,
Это намъ бывалый врагъ.
Жаль, султанъ ихъ очень юрокъ,—
Не добьешь его никакъ.

Итальянцевъ нашъ Суворовъ
Артикуламъ обучалъ;
И смирилъ полякъ свой норовъ
Въ дни, когда забунтовалъ.

Мы взбѣжали на Памиры,
Съ нихъ не двинемся назадъ.
Императорской порфиры
Край упалъ на Араратъ.

Отъ Индѣи до Карпатовъ
Рѣки, горы и моря
Нашихъ видѣли солдатовъ
Силы бѣлаго Царя.

Такъ-то, братцы, и съ Китаемъ
Церемониться намъ что ль?
Шапками ихъ закидаемъ.
Воевать хотять?— Изеоль!

IV.

(дѣтская).

Палочка-выручалочка,
Вечерняя игра!
Небо тѣни свѣсило,
Разшумимся весело,
Бѣгать намъ пора!

Разъ, два, три, четыре, пять,
Бѣгомъ тѣни не догнать.
Слово скажешь, въ траву ляжешь,
Черной цѣпи не развяжешь.
Снизу яма, сверху высь,
Между нихъ вертись, вертись.

Что подь нами, подь цвѣтами,
За желѣзными столбами?
Кто на тронѣ? кто въ коронѣ?
Вѣтеръ высью листья гонить
И уронить съ высоты...
Я ли первый, или ты?

Палочка-выручалочка,
То-то ты хитра!
Небо тѣни свѣсило,
Постучи-ка весело
Посреди двора.

V.

(СБОРЩИКОВЪ).

Пожертуйте, благодѣтели,
На новый колоколь,
Гласъ Господень.
Звонъ колокольный
Съ напѣвомъ ангельскимъ
Дивно сходень.

Святыя отшельники
Въ видѣнъяхъ слышали
Ликъ небесный;
Святыя отшельники
Вѣрно запомнили,
Нездѣшнія пѣсни.

Нашъ звонъ православный
Напѣвомъ ангельскимъ
Поеть и трубить.
Пожертуйте, православные,
На новый колоколь,
Что милость будетъ.

Вась Богъ не забудеть.

VI.

(дѣвичья).

То-то жизнь наша прискорбна:
Мы весь день разлучены,
Но зато всю ночь подробно
Про тебя я вижу сны.

Какъ ты, бѣдный другъ, страдаешь
Подъ гудѣнье, за станкомъ,
Какъ, закрывъ лицо, рыдаешь,
Что съ весельемъ незнакомъ.

Что мнѣ сдѣлать, неудачной,
Чѣмъ мнѣ милому помочь?..
Полно мнѣ считаться прачкой!
Я уйду на долгу ночь.

Полюблюсь на тротуарѣ
Я богатому купцу,
Укачу я съ нимъ на парѣ,
До утра съ нимъ прокучу.

Будутъ серьги, будетъ брошка,
Будутъ деньги въ портмонэ.
Я себѣ возьму немножко,—
За другимъ приди ко мнѣ.

Подарю тебѣ часы я
На цѣпочкѣ золотой..
Можетъ, деньги и чужія,
Да подарокъ будетъ мой!

Если съ кѣмъ я цѣловалась,—
Онъ уѣхалъ въ Верею.
Я тебѣ вѣрна осталась,
Ты, котораго люблю.

VII.

(ВЕСЕЛАЯ).

Дай мнѣ, Ваня, четвертакъ,
Пожертвуй полтинникъ!
Что ты нынче весель такъ,
Словно именинникъ?

Раскошешься до гроша,
Не теряй минуты.
Или я не хороша?
Мои плечи круты.

Надо жить, чтобъ пьяной быть
До объѣда, въ лежку,
Чтобъ поутру не тужить
Про нашу дорожку.

Чтобы щеки отъ тѣхъ слезъ,
Бѣлыя, не пухли,
Я румянюсь ярче розъ,
Подвиваю букли.

Если жъ станетъ невтерпежъ
Съ мутнаго похмѣлья,
Ты опять, опять придешь,
Принесешь веселья.

Буду ждать я часъ—другой,
Гдѣ-то мой сударикъ?
Помни, помни, другъ милой,
Красненькій фонарикъ.

ДУМЫ.

ИСКАНІЯ.

I.

L'ENNUI DE VIVRE...

Я жить усталъ среди людей и въ дняхъ,
Усталъ отъ смѣны думъ, желаній, вкусовъ,
Отъ смѣны истинъ, смѣны риѣмъ въ стихахъ.
Желалъ бы я не быть «Валерій Брюсовъ».
Не предъ людьми—отъ нихъ уйти легко—
Но предъ собой, передъ своимъ сознаньемъ,—
Уже въ былое цѣпь уходитъ далеко,
Которую зовутъ воспоминаьемъ.
Склонясь, иду впередъ, растущій грузъ влача:
Дней, лѣтъ, именъ, восторговъ и паденій.
Со мной мои стихи бѣгутъ, крича,
Грозятъ мнѣ замысловъ недовершенныхъ тѣни,
Слѣпятъ глаза сверканья, безъ числа,
(Слова изъ книгъ, истлѣвшихъ въ сердцѣ—склепѣ),
И женщины жадныя тѣла
Цѣпляются за звенья цѣпи.

О, да! васъ, женщины, къ себѣ воззвалъ я самъ
Отъ ложа душнаго, изъ келій, съ перепутій,

И отдавались мы вдвоемъ одной минутѣ,
 И вмѣстѣ мчало насъ теченье по камнямъ.
 Вы скованы со мной небеснымъ, высшимъ бракомъ,
 Какъ съ моремъ воды впавшихъ рѣкъ,
 Своимъ я васъ отмѣтилъ знакомъ,
 Я отдалъ душу вамъ—на мигъ, и тѣмъ навѣкъ.
 Иныя умерли, иныя измѣнили,
 Но всѣ со мной, куда бы я не шелъ.
 И я влеку по днямъ, клонясь какъ воль,
 Изнемогая отъ усилій,
 Могильнаго креста тяжелый пьедесталь:
 Живую грудь тѣлъ, которая ласкала,
 Которыя меня ласкали и томили.

И думы... Сколько ихъ, въ одеждахъ золотыхъ,
 Завѣтныхъ думъ, дельянныхъ съ любовью,
 Принявшихъ плоть и оживленныхъ кровью!..
 Я обреченъ вести всю безконечность ихъ.
 Есть думы тайныя—и снова въ дѣтской дрожи,
 Закрывъ лицо, я падаю во прахъ...
 Есть думы свѣтлыя, какъ ангель Божій,
 Затеряныя мной въ холодныхъ дняхъ.
 Есть думы гордыя—мои исканья Бога—
 Но оскверненныя притворствомъ и игрой,
 Есть думы-женщины, глядящія такъ строго,
 Есть думы-карлики съ изогнутой спиной...
 Куда бъ я не бѣжалъ истоптанной дорогой,
 Овѣ летать, бѣгутъ, ползутъ—за мной!

А книги... Чистыя источники услады,
 Въ которыхъ отраженъ родной и близкій ликъ,
 — Учитель, другъ, желанный врагъ, двойникъ—
 Я въ васъ обрѣлъ всѣ сладости и яды!
 Вы были голубемъ въ плывущій мой ковчегъ
 И принесли мнѣ вѣсть, какъ древле Ною,
 Что ждетъ меня земля, подъ пальмами ночлегъ,
 Что свой алтарь на камняхъ я построю...
 Съ какою жадностью, какъ плотно я приникъ

Къ стодвѣтнымъ стекламъ, къ окнамъ вѣщихъ книгъ,
И увидалъ сквозь нихъ просторы и сіянья,
Лучей и формъ безвѣстныхъ сочетанья,
Услышалъ странныя, родныя имена...
И годы я стоялъ, безумный, у окна.
Любуясь солнцами, моя душа ослѣпла,
Лучи ее прожгли до глубины, до дна,
И всѣ мои мечты распались горстью пепла.

О, еслибъ все забыть, быть вольнымъ, одинокимъ,
Въ торжественной тиши раскинутыхъ полей,
Итти своимъ путемъ, безцѣльнымъ и широкимъ,
Безъ будущихъ и прошлыхъ дней.
Срывать цвѣты, мгновенные какъ маки,
Впивать лучи, какъ первую любовь,
Упасть, и умереть, и утонуть во мракъ,
Безъ горькой радости воскреснуть вновь и вновь!

1902.

II.

HABET ILLA IN ALVO.

Ея движенья неprovорны,
Она ступаетъ тяжело,
Неся сосудъ нерукотворный,
Въ который небо снизошло.
Святому таинству причастна,
И той причастностью горда,
Она по новому прекрасна,
Внѣ вождельнѣй, внѣ стыда.
Въ ночь наслажденья, въ мигъ объятя,
Когда душа была пьяна,
Свершилась истина зачатя,
О чемъ не вѣдала она!
Въ изнеможеньи и въ истомѣ
Она спала безъ грезъ, безъ силъ,
Но какъ въ эфирномъ водоемѣ
Въ ней цѣлый міръ уже почилъ.
Ты зналъ ее межъ содроганій,
И думалъ, что она твоя...
И вотъ она съ безвѣстной грани
Приноситъ тайну бытія!

Когда мужчина всталъ отъ роковой постели,
 Онъ отрываетъ вдругъ себя отъ чаръ ночныхъ,
 Дневныя яркости на немъ отяготѣли,
 И онъ бѣжитъ въ огнѣ—лучей дневныхъ.
 Какъ пахарь, бросилъ онъ зиждательное сѣмя,
 Онъ снова жаждетъ дня, чтобъ снова изнемочь—
 Ее жъ изъ рукъ своихъ освобождаетъ Время,
 На много мѣсяцевъ владѣть ею Ночь!
 Ночь—Тайна—Мракъ—Невѣдомое—Чудо,
 Намъ непонятное, что приняла она...
 Была любовь и мигъ, иль только трепеть блуда,—
 И вновь вселенная въ душѣ воплощена!

Ребекка! Лія! мать! съ любовью или злобой
 Скрытый плодъ нося, ты служишь какъ раба,
 Но трудъ отвѣтственный дала тебѣ судьба:
 Ты охраняешь міръ таинственной утробой.
 Въ ней сберегаешь ты прошедшіе вѣка,
 Которые преемственностью живы,
 Лелѣешь юности красивые порывы
 И мудрое молчанье старика.
 Пространство, время, мысль—вмѣщаешь дважды ты,
 Вмѣщаешь и даешь имъ новое теченье
 Ты, женщина, цѣной дѣторожденья
 Удерживаешь насъ у грани темноты!
 Неси, о, мать, свой плодъ! внемли глубокой дрожи,
 Тамъ дитя, оберегай, питай,
 И послѣ, въ срочный часъ, припавъ на ложе,
 Яви землѣ опять воскресшій май!

Свершилось. Сонъ недавній явень,
 Мигъ вождельнѣня воплощенъ:
 Съ тобой твой сынъ предъ Богомъ равенъ,
 Какъ ты сама—безсмертенъ онъ!
 Что было свято, что преступно,
 Что соблазняло мысль твою,
 Ему открыто и доступно,
 И онъ какъ первенецъ въ раю.

Что пережито—не вернется,
 Беремъ мы миги, ихъ губя!
 Ему же солнце улыбнется
 Лучомъ, погасшимъ для тебя!
 И снова будутъ чисты розы,
 И первой первая любовь!
 Людми извѣданныя грезы
 Невѣдомыми станутъ вновь.
 И кто-то, сладкій ядъ объятья
 Вдохнувъ съ дыханьемъ темноты,
 (Быть можетъ, также въ часъ зачатья)
 Въ его рукахъ уснетъ, какъ ты!

Иди, походкой неспѣшной,
 Неси священный свой сосудъ.
 Въ преддверьи каждой ночи грѣшной
 Два ангела съ мечами ждуть.
 Спадуть, какъ легкія одежды,
 Мгновенья радостей ночныхъ.
 Иныя, строгія надежды
 Откроются за тканью ихъ.
 Она покровъ завѣтной тайны,
 Сокрытой въ явности вѣковъ,
 Но неземной, необычайный,
 Огнемъ пронизанный покровъ.
 Прими его, покрой главу имъ,
 И въ сумракъ его молись,
 И вѣрь подъ страстнымъ поцѣлуемъ,
 Что въ небѣ глубь, и въ безднѣ высь!

III.

ИСКУШЕНИЕ.

Я иду. Спотыкаясь и падая ницъ,
Я иду.
Я не знаю, достигну ль до тайныхъ границъ,
Или въ знойную пыль упаду,
Иль уйду, соблазненный, какъ первый въ раю.
Въ говорящей и манящей садъ,
Но одно—навсегда, но одно—сознаю:
Не итти мнѣ назадъ!

Зной горить, и губы сухи,
Дали строятъ свой миражъ,
Манятъ тѣни, манятъ души,
Шепчутъ дьяволы: «ты—нашъ!»
Были сонмы поколѣній,
За толпой въ вѣкахъ толпа.
Ты—въ неистовствѣ явленій,
Какъ въ пучинѣ водъ шепта.
Краткій срокъ ты въ безднахъ дышишь
Отдвѣтаешь, чуть возникъ.

Что ты видишь, что ты слышишь,
 Измѣняетъ каждый мигъ.
 Не упомнишь словъ священныхъ,
 Сладкихъ сновъ не сбережешь!
 Нѣтъ свершеній не мгновенныхъ,
 Таесть истина, какъ ложь.
 И сквозь пальцы мудрость міра
 Протекаетъ, какъ вода,
 И восторгъ блестящій пира
 Исчезаетъ навсегда.
 Совершивъ свой путь тяжелый,
 Съ бою капли тайнъ собравъ,
 Ты предъ смертью встанешь голый,
 О мудрецъ, какъ сынъ забавъ!
 Если жъ смерть тебѣ откроетъ
 Тайны всѣ, что ты забылъ,
 Такъ чего жъ твой подвигъ стоитъ!
 Такъ зачѣмъ ты шелъ и жилъ!
 Все ненужно, что земное,
 Шепчутъ дьяволы: «ты—нашъ».
 Я иду въ бездонномъ зноѣ...
 Дали строить свой миражъ.

«Ты мнѣ отвѣтишь ли, о Сущій,
 Зачѣмъ я жажду тѣхъ границъ?
 Быть можетъ, ждетъ меня грядущій,
 И я предъ нимъ склоняюсь ницъ?»

О, сердце! въ этихъ тѣняхъ вѣка,
 Гдѣ истинъ нѣтъ, иному вѣрь!
 Въ себѣ люби сверхчеловѣка...
 Явись, нашъ богъ и полудѣбрь!

Я здѣсь свершаю путь бесплодный,
 Безсмысленный, безцѣльный путь,
 Чтобъ наконецъ душой свободной
 Ты могъ предъ Вѣчностью вздохнуть.

ИСКАНІЯ.

И чуютъ проблескъ этой дрожи,
Въ себѣ угадывать твой вздохъ —
Мнѣ всѣхъ иныхъ блаженствъ дороже...
На краткій мигъ, какъ ты, я—богъ!»

Г И М Н Ъ .

Вновь закатъ одѣнетъ
Небо въ багрянецъ.
Горе, кто обмѣнитъ
На вѣнокъ—вѣнецъ.

Мракомъ міръ не скованъ,
Послѣ ночи—свѣтъ.
Тѣмъ, кто коронованъ,
Доли лучшей нѣтъ.

Утреннія зори—
Блескъ небесныхъ крылъ.
Въ этомъ вѣчномъ хорѣ
Богъ васъ возвѣстилъ.

Времени не будетъ,
Ночи и зари...
Горе, кто забудетъ,
Что они—цари!

Все жарче зной. Упавъ на камнѣ,
Я отдаюсь огню лучей,
Но мука смертная легка мнѣ
Подъ этотъ гимнъ, не знаю чей.
И вотъ все явственнѣй, тѣлеснѣй
Ко мнѣ, простершемуся ницъ,

Клонятся, съ умиленной пѣсней,
 Изъ волнъ воздушныхъ сонмы лицъ.
 О, сколько близкихъ и желанныхъ,
 И ты, забытая, и ты!
 Въ чертахъ, огнями осіянныхъ,
 Какъ не узнать твои черты!
 И молніи горять сапфиромъ,
 Ихъ синій отблескъ—вѣчный свѣтъ.
 Мой слабый духъ предъ лучшимъ міромъ
 Уже слышалъ свой привѣтъ!

Но вдругъ поднимаюсь я, вольный и дикій,
 И тѣни сливаются, гаснутъ въ огнѣ.
 Шатаюсь, кричу я,—и хриплые крики
 Лишь коршуны слышать въ дневной тишинѣ.
 «Я жизни твоей не желаю, гробница,
 Ты хочешь солгать, гробовая плита!
 Такъ, значить, за гранью—вторая граница,
 И смерть, какъ и жизнь, только тѣнь и черта?
 Такъ, значить, за смертью такой же бесплодный,
 Такой же безцѣльный, безмысленный путь?
 И то же мечтанье о волѣ свободной?
 И та жъ невозможность во мглѣ потонуть?
 И нѣтъ намъ исхода! и нѣтъ намъ предѣла!
 Исчезнуть, не быть, истребиться нельзя!
 Для воли, для духа, для мысли, для тѣла
 Единая, та же, все та же стезя!»
 Кричу я. И коршуны носятся низко,
 Изъ дали таинственной манить миражъ.
 Тамъ пальмы, тамъ влага, такъ ясно, такъ близко,
 И дьяволы шепчуть со смѣхомъ: «ты—нашъ!»

IV.

ИТАЛІЯ.

Страна, измученная страстностью судьбы!
Любовница всѣхъ роковыхъ столѣтій!
Тебя народы чтили какъ рабы,
И императоры какъ дѣти.
Ты съ трона цезарей судила властно міръ,
И большій міръ изъ Ватикана.
Былая власть твоя—низверженный кумиръ,
Но человѣчество твоимъ прошедшимъ пьяно.
Твои художники на зыбкости холста
Запечатлѣли сны, какихъ не будетъ дважды!
Они—къ источникамъ открытыя врата
Для всѣхъ, томящихся отъ безысходной жажды!
На всѣ пути души ты простирала жезлъ,
Какъ знакъ владычества,—и всѣ мы были рады,
Ницъ преклоненные у величавыхъ чреслъ,
Лобзая края одеждъ, ловить слова и взгляды.

Италія! священная царица!
Гдѣ нынѣ скипетръ твой и лавровый вѣнецъ?

Разломана твоя золотая колесница,
 Раскрыты двери въ твой дворець.
 Италія! несчастная блудница,
 И вотъ къ чему пришла ты, наконецъ!
 Въ доскутьяхъ мантии и въ платьѣ устарѣломъ,
 Улыбкой искрививъ надменно строгій ротъ,
 Ты вышла торговать еще прекраснымъ тѣломъ,
 И въ ложницу твою—открыть за деньги входъ.
 Мы смѣемъ всѣ вкусить отъ ласкъ, святыхъ бывало!
 Мы можемъ всѣ тебя увидѣть въ наготѣ!
 Какъ женщина, ты всѣмъ доступной стала,
 И стыдно намъ тебя узнать въ мечтѣ!

Но еще ты прекрасна, Италія!
 Подъ заемной краской румянъ,
 И съ наглостью робкой во взорѣ!
 Прекраснѣе всѣхъ неуниженныхъ странъ,
 Къ которымъ покорно ласкается плѣнное море.
 Въ лагунахъ еще отражаются
 Дворцы вознесенной Венеціи —
 Единственный городъ мечты,
 И гордые замки вздымаются
 Въ суровой и нѣжной Флоренціи,
 Гдѣ созданъ былъ сонъ красоты.
 И Римъ, чародатель единственный,
 Ужасный въ величьи своемъ,
 Лежитъ не живой, но таинственный,
 Волшебнымъ окованный сномъ.
 Нетлѣнные роши лимонныя
 Подъ немислимымъ небомъ цвѣтутъ.
 Горы—въ бѣлыхъ цвѣтахъ новобрачныя!
 Воды, собой опьяненныя,
 Озаряя гроты прозрачныя,
 Говорятъ и живутъ!
 Ты прекрасна, Италія,
 Отъ Альпъ крѣпковѣйныхъ до ясной Капреи
 И далѣе,
 До пустынь когда то богатой Сициліи,
 Гдѣ сирокко, уставъ и слабѣя,

Губить высокія лиліи,
Цвѣты святого Антонія,—
Ты прекрасна, Италія,
Какъ знакомая сердцу гармонія!

Я пришелъ къ тебѣ усталый,
Путь недавній потерявъ,
Безпокойный, запоздалый
Напрямикъ по влагѣ травъ.
И случайные скитальцы
Миръ нашли въ твоємъ дворцѣ...
О, какъ нѣжно эти пальцы
На моемъ легли лицѣ!
Какъ прижавшееся тѣло
Ароматно и свѣжо!
Пусть притворство, что за дѣло!
Пусть обманъ, мнѣ хорошо!
Въ этой нѣжности мгновенной
Можетъ тайно разлита,
Непритворна и чиста,
Ласка матери вселенной.

Флоренція, 1902.

V.

ПАРИЖЪ.

И я къ тебѣ пришелъ, о городъ многоликій,
Къ просторамъ площадей, въ открытые дворцы;
Я полюбилъ твой шумъ, всѣ уличные крики:
Напѣвъ газетчиковъ, бичи и бубенцы;
Я полюбилъ твой міръ, какъ сонъ, многообразный
И вѣчно дышашій, мучительно живой...
Твоя стихія—жизнь, лишь въ ней твои соблазны
Ты на меня дохнулъ—и я навѣки твой.

Порой казался мнѣ ты безошадно старымъ,
Но чаще ликовалъ, какъ рѣзвое дитя,
Въ вечерній, тихій часъ по меркнувшимъ бульварамъ
Межъ оконъ блещущихъ людской потокъ катя.
Рядами сжатыми летѣли экипажи,
И росъ людской приливъ... Сверкали вензеля
Огнистыхъ вывѣсокъ... Таинственною пряжей
Вкругъ яркихъ фонарей сплетались тополя...
И эти тысячи и тысячи прохожихъ
Я сознавалъ волной, текущей въ новый вѣкъ.
И жадно я слѣдилъ теченье вольныхъ рѣкъ,
Самъ—капелька на днѣ въ ихъ каменистыхъ ложахъ.

А ты стоялъ во мглѣ—могучимъ, какъ судьба,
Колоссомъ, давящимъ безчисленныя рати...
Но не скудѣлъ пѣанъ моихъ безумныхъ братій,
И Города съ Людьми не падала борьба...

Когда же, утомленъ видѣньями и свѣтомъ,
Искалъ пріюта я—меня манилъ соборъ,
Давно прославленный торжественнымъ поэтомъ...
Какъ сладко здѣсь мечталъ мой воспаленный взоръ.
Какъ были сладки мнѣ узорчатыя стекла,
Розетки въ вышинѣ—сплетеня звѣздъ и лицъ...
За ними суета невольно гасла, блекла,
Предъ вѣчностью душа распростиралась ницъ...
Забывъ напѣвъ псалмовъ и тихій стонъ органа,
Я видѣлъ только свѣтъ, святой калейдоскопъ,
Лишь краски и цвѣта сіяли изъ тумана...
Была иль будетъ жизнь? и колыбель? и гробъ?
И начиналъ миражъ вращаться вкругъ, смѣняя
Всѣ краски радуги, всѣ отблески огней.
И краски были мѣръ. Въ глубокихъ безднахъ рая
Не эти ль образы, вѣка, не утомляя,
Ласкаютъ взоръ ликующихъ тѣней?

А тамъ, за Сеной, былъ еще пріютъ священный.
Кругообразный храмъ и въ безднѣ саркофагъ,
Гдѣ, отдѣленъ отъ всѣхъ, спитъ императоръ плѣнный,—
Суровый нашъ пророкъ и роковой нашъ врагъ!
Сквозь окна льется свѣтъ то золотой, то синій,
Неяркій, слабый свѣтъ, таинственный, какъ мгла,
Прозрачнымъ знаменемъ дрожить онъ надъ святыней,
Сливаясь съ вѣяньемъ орлиного крыла!
Чѣмъ дольше здѣсь стоишь, тѣмъ все кругомъ безгласнѣй,
Но въ жуткой тишинѣ растеть беззвучный громъ,
И оживаетъ все, что было дѣтской басней,
И съ невозможностью стоишь къ лицу лицомъ!
Онъ вѣкомъ властвовалъ, какъ парусомъ матросы,
Онъ милліонамъ душъ указывалъ ихъ смерть;
И сжали вдругъ его стѣной тюрьмы утесы,

Какъ кровля, налегла расплавленная твердь.
 Заснулъ онъ во дворцѣ—и взоръ открылъ въ темницѣ,
 И умеръ, не понявъ, прошелъ ли страшный сонъ...
 Иль онъ не миновалъ? ты гредишь, что въ гробницѣ?
 И вдругъ войдешь сюда—съ жезломъ и въ багряницѣ,—
 И предъ тобой палемъ—мы ницъ, Наполеонъ!

И эти крайности!—все буйство жизни нашей,
 Средневѣковый миръ, величье страшныхъ дней—
 Парижъ, ты съединилъ въ своей священной чашѣ,
 Готова страшный ядъ изъ пѣсенъ и идей!
 Ты человѣчества—Мальстремъ. Напрасно люди
 Мечтаютъ отъ твоихъ вліяній ускользнуть!
 Ты долженъ все смѣшать въ чудовищномъ сосудѣ.
 Блестить его рѣзба, незримо таетъ муть.
 Ты властно всѣхъ берешь въ зубчатыхъ колеса
 И мелешь души всѣхъ, и вѣешь легкой прахъ.
 А слезы вѣчности кропятъ его, какъ росы...
 И ты стоишь, Парижъ, какъ мельница, въ вѣкахъ!
 Въ тебѣ возможности, въ тебѣ есть духъ движенія,
 Ты вольно окрыленъ, и вольныхъ крыльевъ тѣнь
 Ложится и теперь на наши поколѣнья,
 И стать великимъ днемъ здѣсь можетъ каждый день.
 Плотины баррикадъ вонзалъ ты смѣло въ стѣны
 И замыкалъ потокъ мятущихся временъ,
 И раздроблялъ его въ красивыхъ брызгахъ пѣны.
 Онъ дальше убѣгалъ, разбитъ, преображенъ.
 Вторгались варвары въ твой сжатый кругъ, крушили
 Завѣтные углы твоихъ святыхъ дворцовъ,
 Но былъ невластенъ мечъ надъ тайной вѣчной были:
 Какъ фениксъ, ты взлеталъ изъ дыма, живъ и новъ.
 Парижъ не весь въ домахъ, и въ томъ иль въ этомъ ликѣ:
 Онъ часть исторіи, идея, сказка, бредъ.
 Свое безсмертіе ты понималъ, о великій,
 И бреду твоему исчезновенья—нѣтъ!

Парижъ, 1903.

VI.

МІРЪ.

Я помню этотъ міръ, утраченный мной съ дѣтства,
Какъ сонъ непонятый и прерванный, какъ бредъ...
Я берегу его—единое наслѣдство
Мной пережитыхъ и забытыхъ лѣтъ.

Я помню формы, звуки, запахъ... О! и запахъ!
Амбары темные, огромные кули,
Подвалы подъ-поломъ, въ грудяхъ земли,
Со складами, припрятанными въ трапахъ,
Картинки въ рамочкахъ на выцвѣтшей стѣнѣ,
Старинныя скамьи и прочныя конторки,
Сквозь пыльное окно какой то свѣтъ незоркій,
Лежащій безъ тѣней въ лѣнивой тишинѣ,
И запахъ надо всѣмъ,—нежалящія когти
Вонзающій въ мечты, въ желанья, въ рѣчь, во все!
Быть можетъ, выросшій въ веревкахъ или дегтѣ,
Иль вползшій, какъ змѣя, въ безлюдное жилье,
Но царствующій здѣсь надъ всѣмъ житейскимъ складомъ,
Проникшій все насквозь, держащій все въ себѣ!

О, позабытый міръ! и я дышаль тѣмъ ядомъ,
И я причастенъ былъ твоей судьбѣ!

Я помню: за окномъ, за дверью съ хриплымъ блокомъ,
Былъ плоскій и глухой, всегда нечистый дворъ.
Стѣной и вывѣской кончался кругозоръ
(Порой закатъ блестѣлъ на куполѣ далекомъ).
И этотъ старый дворъ всегда былъ пустъ и тихъ,
Какъ заводь сорная, вся въ камышахъ и тинѣ...
Мелькнетъ монахиня... Купецъ въ поддевкѣ синей...
Поспѣшно пробѣгутъ два юркихъ половыхъ...
И снова душный сонъ всѣхъ звуковъ, красокъ, линій.
Еще порой вѣзжалъ телѣгъ тяжелый рядъ,
Съ самоувѣреннымъ и беспощаднымъ скрипомъ.
И дюжимъ лошадямъ, и безобразнымъ кипамъ,
И громкимъ окрикамъ самъ дворъ казался радъ.
Шумѣли молодцы, стуча вскрывались люки,
Мелькали руки, пахло кумачемъ...
Но проходилъ тотъ часъ, вновь умирали звуки,
Дворъ застывалъ во снѣ, привычномъ и нѣмомъ...
А подъ вечеръ опять мелькали половые,
Лѣнливо унося порожніе судки...
Но поздно... Главы гаснутъ золотыя.
Углы—пріютъ тѣней—темны и глубоки.
Уже давно вся жизнь влачится неисправнѣй,
Мигаютъ лампы, пахнетъ керосинъ...
И скоро вынесутъ на волю, къ окнамъ, ставни,
И пропоетъ замокъ, и домъ заснетъ—одинъ.

Я помню этотъ міръ. И самъ я въ этомъ мірѣ
Когда то былъ какъ свой, сливался съ нимъ въ одно.
Я мальчикомъ глядѣлъ въ то пыльное окно,
У сумрачныхъ вѣсовъ игралъ въ большія гири,
И лазилъ по мѣшкамъ въ сараяхъ, гдѣ темно.
Мечтанья дѣтскія въ тѣ дни уже свѣтлѣли:
Мнѣ снились:—роши пальмъ, безвѣстный океанъ,
И тайны полюсовъ, и бездны подземелій,
И дерзкіе пути междупланетныхъ странъ.

Но дряхлый ветхій міръ на всѣ мои химеры
 Улыбкой отвѣчалъ, какъ ласковый старикъ.
 И тихо надо мной—ребенкомъ—никъ
 Громадный, неподвижный, сѣрый.
 И что-то было въ немъ роднымъ и близкимъ мнѣ.
 Онъ глухо мнѣ шепталъ и понималъ его я...
 И смѣшивалось все какъ въ смутномъ снѣ:
 Мечта о неземномъ и сладкій миръ покоя...

Недавно я прошелъ знакомымъ переулкомъ
 И не узналъ завѣтныхъ мѣстъ совсѣмъ.
 Тотъ, мнѣ знакомый міръ, былъ тусклъ и нѣмъ,—
 Теперь сверкало все, гремѣло гуломъ гулкимъ!
 Воздвиглись зданія изъ стали и стекла,
 Дворцы огромные, гдѣ вольно бродятъ взоры...
 Разрыты навсегда таинственныя норы,
 Безстрастный свѣтъ вошелъ туда, гдѣ жалась мгла
 И лица новыя, и говоръ чуждъ... Все ново!
 Какъ сказка смѣлая—воспоминанья лѣтъ!
 Нѣтъ даже и во мнѣ тогдашняго былого,
 Напрасно я въ душѣ ишу желанный слѣдъ...
 Въ душѣ все новое, какъ въ городѣ торговли,
 И мысли, и мечты, и чаянья, и страхъ.
 Я мальчикомъ мечталъ о будущихъ годахъ:
 И вотъ они пришли.. Ну, что же? Я таковъ ли,
 Какимъ желалъ я быть? Добылъ ли я вѣнецъ?
 Иль эти зданія, всѣ изъ стекла и стали,
 Возставшія въ душѣ, какъ призрачный дворецъ,
 Всѣ утоленные восторги и печали,
 Все это новое—напрасно взяло верхъ
 Надъ міромъ тѣмъ, что мнѣ—столѣтъя завѣщали,
 Который былъ моимъ, который я отвергъ!

Москва, 1903.

VII.

IN HAC LACRIMARUM VALLE.

Весь долгій путь свершивъ, по высямъ и низинамъ.
 Твои зубцы я вижу, наконецъ,
 О, горный кряжъ веселости и смѣха!
 Въ разсвѣтнѣй часъ ты выросъ исполиномъ,
 Какъ до небесъ воздвигнутый дворецъ,
 И гулко на привѣтъ твое мнѣ вторить эхо.
 За мной паденій стыдъ и боль палящихъ ранъ,
 Тѣснины скалъ и быстрины потоковъ,
 За мной покинутый въ равнинѣ бранный станъ,
 За мной пустыня—мїръ безумцевъ и пророковъ...
 Кругомъ меня—нѣмые тополя,
 Какъ женщины, завернутыя строго.
 Свивается причудливо дорога,
 Вся бѣлая, мглу на-двое дѣля.
 И лиліи, закрывъ въ сыромъ туманѣ
 Кадильницы ночныхъ благоуханій,
 Сгибають выгибы упругаго стебля.
 Чу! ближній ключъ запѣлъ неравномѣрно...
 Долина слезъ! чье имя какъ печаль!
 Какъ все въ тебѣ неясно и невѣрно.
 Но для меня уже бѣлѣть даль,

Я вышель изъ страны позора и успѣха,
Снимаю я съ своей главы вѣнцы.
Уже блестятъ въ огнѣ, уже блестятъ зубцы,
Твой—о, кряжъ торжественнаго смѣха!

Я взойду при первомъ днѣ
Хохотать къ зубцамъ, на выси,
И на смѣхъ заворять мнѣ
Неумолчнымъ смѣхомъ рыси.

Стану рыскать наугадъ
Вверхъ и внизъ я, лугомъ, лѣсомъ:
Встрѣчный другъ и вѣчный братъ
Съ нимфой, съ звѣремъ, съ богомъ, съ бѣсомъ.

Повлекутъ меня съ собой
Къ играмъ рыжіе силены;
Мы нагѣвшимся съ козой,
Гдѣ лужайку сжали стѣны.

Всѣмъ настанетъ череда
Выпить острый сокъ услады.
Лица скроютъ отъ стыда
Въ чашахъ бѣлыя дріады.

Зазовутъ меня въ свой гротъ
Скальныхъ нѣдръ владыки—гномы.
Буду пить я дикій медъ,
Гость желанный и знакомый.

Я спою имъ про Грааль,
То-то будетъ имъ веселье!
Подаритъ мнѣ Рюбецаль
На прощанье ожерелье.

Канеть въ сумракъ лѣтній зной,
 Лунный глазъ проглянетъ слѣва,—
 Обручальный перстень свой
 Мнѣ подасть лѣсная дѣва.

Я его, склонясь, приму,
 Уроню свой плащъ багровый...
 Ночь длиннѣй протянетъ тьму,
 Отлетятъ ночныя совы.

Я къ вамъ вернусь, о люди,—вернусь преображень,
 Вся жизньъ былая будетъ какъ нѣкій душный сонъ.
 Я къ вамъ вернусь воскресимъ, проснувшимся отъ сна...
 Волна волну стираетъ, и все жъ она волна.
 И я иной, чѣмъ прежде, но все же это я,
 И пѣснь моя другая, но это пѣснь моя.
 Никто ее не можетъ сложить, какъ я могу,
 А тайну прошлыхъ пѣсенъ я въ сердцѣ берегу.
 И всѣ мои напѣвы еще подвластны мнѣ:
 И тѣ, что пѣлъ я въ дѣтствѣ, и тѣ, что пѣлъ во свѣ.
 Давно мнѣ пѣть, что любо, что нравится мечтамъ,
 А вамъ—молчать и слушать, вникать въ напѣвы вамъ!
 И что бы не задумалъ я спѣть,—запрета нѣтъ,
 И будетъ все достойно, затѣмъ что я поэтъ!
 Я въ жизньъ пришелъ поэтомъ, я избранъ былъ судьбой,
 И даже противъ воли останусь самъ собой.
 Я понялъ неизбежность случайныхъ думъ своихъ,
 И самъ я чту покорно свой непокорный стихъ.
 Въ моемъ самохваленнѣ служеннѣ Богу есть,—
 Не знаю самъ какая, и все жъ я міру вѣсть!

1902.

БАЛЛАДЫ.

I.

РАБЪ.

Я—рабъ, и былъ рабомъ покорнымъ
Прекраснѣйшей изъ всѣхъ царицъ.
Предъ взоромъ, пламеннымъ и чернымъ,
Я молча повергался ницъ.

Я лобызалъ ея сандалий
Слѣды на утреннемъ пескѣ.
Меня мечтанья опьяняли,
Когда царица шла къ рѣкѣ.

И разъ—мой взоръ, сухой и страстный.
Я удержать въ пыли не могъ,
И онъ скользнулъ къ лицу прекрасной,
И очи бѣгло ей обжегъ...

И вздрогнула она отъ гнѣва.
Казнь—оскорбителямъ святынь!
И вдаль пошла—среди напѣва
За ней толпившихся рабынь.

И въ ту же ночь я былъ прикованъ
У ложа царскаго, какъ песнь.
И весь дрожалъ я, очарованъ,
Отъ сладкихъ мукъ и сладкихъ грезъ.

Она вошла стопой неспѣшной,
Какъ только жрицы входятъ въ храмъ,
Такой прекрасной и безгрѣшной,
Что было тягостно очамъ.

И падали ея одежды
До ткани, покрывавшей грудь...
И въ ужасъ сомкнулъ я вѣжды...
Но долженъ былъ опять взглянуть.

Вошелъ къ ней юноша... И встрѣчи
Она, покорная, ждала...
Погасли факелы и свѣчи,
Настала тишина и мгла.

И было все на бредъ похоже!
Я былъ свидѣтель чаръ ночныхъ,
Всего, что тайно кроетъ ложе,
Ихъ содраганій, стоновъ ихъ.

Я утромъ увидалъ ихъ—рядомъ!
Еще дрожащихъ въ смѣнѣ грезъ!
И вплоть до дня впивался взглядомъ,—
Прикованъ къ ложу ихъ, какъ песнь.

Вотъ сосланъ я въ каменоломню,
Дроблю гранить, стирая кровь.
Но эту ночь я помню! помню!
О, еслибъ пережить все—вновь!

II.

ПЕПЛУМЪ.

Знаю сумрачный находъ
Страсти, медленно пьянящей,
Словно шумъ далекихъ водъ,
Водопадъ въ скалахъ кипящій.

Я иду, иду одна
Вдоль стѣны, укрыта тѣнью:
Знаю—ночь посвящена
Наслажденью и паденью.

Статный юноша пройдетъ,
Щитъ о мечъ случайно брякнетъ,—
Громче шумъ бѣгущихъ водъ,
Водопадъ мой не изсякнетъ!

Наконецъ, безъ силъ, безъ словъ,
Дрожь въ рукахъ и взоры смутны,
Я слышу жданный зовъ—
Быть подругою минутной.

Я пойду за нимъ, за нимъ
Въ переулкъ опустѣлый,
Черный плащъ его какъ дымъ,
Пеплумъ мой, какъ саванъ бѣлый.

Я войду къ нему, къ нему. .
О, скорѣй гасите свѣчи!
Я хочу вступить во мглу.
Свѣтъ померкъ, померкли рѣчи.

Кто-то... гдѣ-то... чьихъ-то рукъ
Слышу, знаю впечатлѣнья.
Я хочу жестокихъ мукъ,
Ласкъ и мукъ безъ промедленья.

Набѣгаетъ сумракъ вновь,
Сумракъ съ отсвѣтомъ багрянымъ,
Это ль пламя? это ль кровь?
Кровь, текущая по ранамъ?

Ночь—какъ тысяча вѣковъ,
Ночь какъ жизнь въ поляхъ за Летой.
Гасну въ запахѣ цвѣтовъ,
Сплю въ водѣ, лучемъ согрѣтой...

... Въ прорѣзь узкаго окна
Глянетъ утро взоромъ бѣлымъ.
Прочь! оставь!—иду одна
Переулкомъ опустѣлымъ.

Сладко нѣжить тишина,
Съ тишиной роднятся тѣло,
Стѣнь воскресшихъ бѣлизна
Оттѣняетъ пеплумъ бѣлый...

III.

РАБЫНИ.

Она была какъ свѣтъ прекрасна,
И какъ сіяніе свѣтла.
Она къ намъ въ душу тѣнью страстной.
Отравой сладостной вошла.

Она—царевна, мы—рабыни.
Двѣ эѳіопки, цѣлый день
Мы вѣтеръ двигали павлиній,
Ей тихо навѣвая тѣнь.

Когда же время наступало
Устать, мы въ ложницѣ надъ ней
Опять качали опахало,
И тихъ былъ вѣтеръ межъ тѣней.

И мы мечты не утаили,
Дала намъ смѣлость темнота—
Къ ногамъ, бѣлѣе бѣлыхъ лилій,
Прижать кровавыя уста.

И съ этихъ поръ, едва темнѣло,
И жизнь нѣмѣла въ снѣ ночномъ,
Въ опочивальнѣ къ тѣлу тѣло.—
Сближали мы, таясь, втроемъ.

Иль было ей восторговъ мало?
И этихъ ласкъ и этихъ губъ?
Она иного пожелала,—
Но ласкъ не пожелаетъ трупъ!

Онъ былъ царевичъ и мужчина,
Онъ былъ и силенъ и красивъ,
Но онъ не вкусить ни единый
Ея младенческій порывъ!

Я подала ей чашу съ ядомъ,
О, спи! твой сонъ глубокъ и строгъ!
И мы съ тобой на ложѣ рядомъ
Въ послѣдній разъ у этихъ ногъ.

IV.

ПОМПЕЯНКА.

«Мнѣ первымъ мужемъ былъ купецъ богатый,
Вторымъ поэтъ, а третьимъ жалкій мимъ,
Четвертымъ консулъ, нынѣ евнухъ пятый,
Но кесарь самъ меня сосваталъ съ нимъ.

Была любима я владыкой міра,
Но мнѣ былъ любъ одинъ нубійскій рабъ,
Не жду надъ гробомъ лести univira,
Для многихъ поясъ мой былъ слишкомъ слабъ.

Но ты, мой другъ, мизіецъ мой стыдливый!
Навѣкъ, навѣкъ тебѣ я предана.
Не вѣрь, дитя, что женщины всѣ лживы:
Межъ ними вѣрная нашлась одна!»

Такъ говорила, не дыша, блѣднѣя,
Матрона Лидія, какъ въ смутномъ снѣ;
Забывъ, что вся взволнована Помпея,
Что надъ Везувіемъ лазурь въ огнѣ.

Когда жъ безъ силъ любовники застыли,
И покорилъ ихъ необорный сонъ,
На городъ пали груды сѣрой пыли,
И городъ былъ подъ пепломъ погребенъ.

Вѣка прошли; и, какъ изъ алчной пасти,
Мы вырвали бывшее изъ земли.
И двое тѣлъ, какъ знакъ безсмертной страсти,
Нетлѣнными въ объятіяхъ нашли.

Поставьте выше памятникъ священный,
Живое изваянье вѣчныхъ тѣлъ,
Чтобъ память не угасла во вселенной
О страсти, перешедшей за предѣль!

V.

ДѢВА.

Дочь моя, помедли, дѣва!
Глазъ твоихъ не узнаю.
Ты свѣтла, какъ мать, какъ Ева,
Въ тотъ мгновенный день, въ раю.

Нѣтъ, не юность, въ сладкой дрожи,
Пламя мнѣ палило кровь.
Новосозданный и Божій,
Я позналъ тогда любовь!

Мира сдвоенныя силы
Переполнили мнѣ грудь.
Я, свободный, я, безкрылый,
Жаждалъ въ небѣ потонуть.

И когда одно лобзанье
Въ уголь намъ сожгло сердца,
Мы постигли мірозданье
Навсегда и до конца!

Дочь моя! помедли, дѣва!
Звѣзды выступать въ ночи.
Здѣсь со мной, какъ мать Ева,
Ты пребудь и опочій.

Борода моя сѣдая
Скроетъ бѣлость этихъ плечъ.
Пусть, грозя, предъ дверью рая
Многоцвѣтный блещетъ мечъ!

Древо жизни—недоступно,
Плодь познанья—я таю,
Дѣва, дѣва! будь преступна!
Будешь ты со мной въ раю.

VI.

ПУТНИКЪ.

По бѣломраморнымъ ступенямъ
Царевна сходитъ въ тихій садъ—
Понѣжить грудь огнемъ осеннимъ,
Сквозной листвою понѣжить взглядъ.

Она аллеей къ степи сходитъ,
Съ ней эіопскіе рабы.
И солнце острый лучъ наводитъ
На ихъ лосняшіеся лбы.

Гдѣ у границъ безводной степи,
Замкнувъ предѣлъ цвѣтовъ и влагъ,
Стоять столбы и дремлютъ цѣпи,—
Царевна задержала шагъ.

Лепечуть пальмы; шумъ фонтанный
Такъ радостенъ издалека,
И вѣтеръ, весь благоуханный,
Летитъ въ пустыню съ цвѣтника.

Царевна смотритъ въ дѣтской дрожи,
Въ ея большихъ очахъ—слеза.
Красивый юноша-прохожій
Простерся тамъ, закрывъ глаза.

На немъ хитонъ простой и грубый,
У ногъ дорожная клюка.
Его запекшіяся губы
Скривила жажда и тоска.

Зоветь царевна: «Братъ безвѣстный,
Приди ко мнѣ, сюда, сюда!
Вотъ здѣсь плоды въ корзинѣ тѣсной,
Вино и горная вода.

Я уведу тебя къ фонтанамъ,
Рабыни умятятъ тебя,
Въ моемъ покоѣ златотканомъ
Къ тебѣ я припаду, любя».

И путникъ взоръ поднявъ неспѣшно,
Глядитъ, какъ царь, на дочь царя.
Она—прекрасна и безгрѣшна,
Она—какъ юная заря.

Но онъ въ отвѣтъ: «Сойди за цѣпи,
И кубокъ мнѣ сама подай!»
Закрывъ глаза бѣднякъ изъ степи.
Фонтаны бьютъ. Лепечеть рай.

Блѣднѣетъ и дрожитъ царевна.
Лежать невольники у ногъ.
Она растерянно и гнѣвно
Бросаешь кубокъ на песокъ.

Идетъ къ дворцу аллеей сада.
Съ ней эѳіопскіе рабы...
И смѣхъ чуть слышенъ за оградой,
Гдѣ стѣнь, и цѣпи, и столбы.

VII.

РѢШЕТКА.

Между нами частая рѣшетка,
Въ той тюрьмѣ, гдѣ мы погребены.
Днемъ лучи на ней мерцаютъ кротко,
Проходя въ окно, въ верху стѣны.

Между нами кованые брусья,
Проволокъ межъ нихъ стальная сѣть.
До твоей руки не дотянусь я,—
Въ очи только можемъ мы смотрѣть...

И весь день, пока на темной стали
Тамъ и сямъ мелькаетъ лучъ дневной,
Въ содроганьяхъ страсти и печали
Упиваюсь я тобой, ты мной!

Насъ разводитъ сумракъ. На соломѣ
Мы лежимъ, уйдя въ свои углы;
Тамъ томимся въ сладострастной дремѣ,
Другъ о другѣ грезимъ въ тайнѣ мглы.

Но опять у роковой преграды
Мы, едва затеплятся лучи.
И, быть можетъ, нѣтъ для насъ отрады
Слаще пытки вашей, палачи!

ЭЛЕГИ.

ЖЕНЩИНАМЪ.

— Вотъ онѣ, скорбныя, гордыя тѣни
Женщинъ, обманутыхъ мной.
Прямо въ лицо имъ смотрю безъ сомнѣній,
Прямо въ лицо этихъ блѣдныхъ видѣній,
Созданныхъ чарой ночной.

О, эти руки, и груди, и губы,
Выгибы алчущихъ тѣлъ!
Васъ обрѣталъ я, и вами владѣлъ!
Всѣ ваши тайны—то нѣжный, то грубый,
Властный, покорный—узнать я умѣлъ.

Да, я васъ бросилъ, какъ остова добычи,
Бросилъ на знойномъ пути.
Что жъ! въ этомъ мѣрѣ вещей и обличій
Все мнѣ сказалось въ единственномъ кличѣ:
«Ты долженъ идти!»

Васъ я любилъ такъ, какъ любить, и каждой
Душу свою отдавалъ до конца,
Но—мнѣ не страшно нѣмого лица!
Не одинаковой жаждой
Наши горѣли сердца.

Вы, опаленныя яростной страстью,
Въ ужасѣ падали ницъ.
Я, прикоснувшись къ послѣдному счастью,
Не опуская рѣсницъ,
Шель, увлекаемъ таинственной властью,
Къ ужасу новыхъ границъ.

Васъ я любилъ такъ, какъ любить, и знаю—
Съ каждой я былъ бы въ раю!
Но не хочу я довѣриться раю.
Душу мою изъ блаженствъ вырываю,
Вольную душу мою!

Дальше, все дальше! отъ счастья до муки,
Въ ужасы—въ бездну—во тьму!
Тщетно ко мнѣ простираете руки
Вы, присужденныя къ вѣчной разлукѣ:
Жить мнѣ и быть—одному.

II.

СВИДАНІЕ

И снова ты, и снова ты,
И власти нѣтъ проклясть.
Какъ Сириусъ палитъ цвѣты
Холоднымъ взоромъ съ высоты,
Такъ надо мной восходишь ты,
Ночное солнце—страсть!

Мнѣ кто то предлагаетъ бой
Въ ночномъ безлюдьи подъ шатромъ,
И я лицомъ къ лицу съ судьбой,
И я вдвоемъ съ тобой, съ собой
До утра упоенъ борьбой,
И—какъ Израиль—хромъ!

Дневныя ринутся лучи,—
Не мнѣ предъ ними пасть!
Они—какъ туча саранчи,
Я съ Богомъ воевалъ въ ночи,
На мнѣ горять Его лучи.
Я твой, я твой, о страсть!

III.

ГИАЦИНТЪ.

С. А. Полякову.

Словно кровь у свѣжей раны,
Красный камень гіацинтъ
Увлекаетъ грезу въ страны,
Гдѣ царитъ широкій Индъ.

Гдѣ въ засохшихъ джунгляхъ внемлютъ
Тигры поступи людей,
И на мертвыхъ вѣткахъ дремлютъ
Пасти жадныхъ орхидей,

Гдѣ окованная взглядомъ
Птица стынетъ предъ змѣей,
И, полны губящимъ ядомъ,
Корни пухнуть подъ землей.

Сладко грезить объ отчизнѣ
Всѣхъ таинственныхъ отравъ!
Тамъ найду я радость жизни—
Воплотившій смерть составъ!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Въ лезвее багдадской стали
Каплю смерти я волюю,
И навѣкъ въ моемъ кинжалѣ
Мечь и волю затаю.

И когда любовь обманеть,
И ласкавшая меня
Расточать другому станеть
Рѣчи нѣгъ на склонѣ дня,—

Я приду къ ней съ вѣрнымъ ядомъ,
Я ее межъ ласкъ и чаръ,
Словно змѣй, затѣшу взглядомъ,
Разочту, какъ тигръ, ударъ.

И, глядя на кровь у раны,
(Словно камень гацинтъ!)
Повлекусь я грезой въ страны,
Гдѣ царить широкой Индъ.

IV.

ЭПИЗОДЪ.

Не правда ли: мы въ сказкѣ,
Мы въ книжкѣ для дѣтей?
Твои такъ нѣжны глазки,
И поступь—какъ у фей!

Я—принцъ, а ты—царевна,
Отецъ твой—злой король...
Но не гляди такъ гнѣвно,
Побыть съ тобой позволь.

Я въ шапкѣ-невидимкѣ,
Для всѣхъ—ты здѣсь одна!
И вотъ въ вечерней дымкѣ
Померкла даль окна.

Прислужницы уводятъ
Тебя подъ пологъ твой...
Ночныя тѣни бродятъ,
И я во мглѣ съ тобой!

Уста твои безмолвны,
Смеженъ покорный взоръ.
Бросаю въ воздухъ—въ волны
Нашъ самолетъ-коверъ.

Влекутъ насъ въ царство ласки
Семь бѣлыхъ лебедей..
Не правда ли: мы въ сказкѣ,
Мы въ книжкѣ для дѣтей?

V.

ВЪ НОЧНОМЪ БЕЗЛЮДИ.

Въ ночномъ безлюдїи нѣмыхъ домовъ
Молюсь о чудѣ я недавнихъ сновъ.

Мечты стоокїа со всѣхъ сторонъ...
Дитя далекое, храни свой сонъ!

Альковъ задвинутый, дрожанье тьмы,
Ты запрокинута,—и двое мы.

И къ тѣлу тѣло намъ прижать не стыдъ.
Грѣхомъ содѣланнымъ душа горить.

Все уничтожено—одна любовь.
Нѣтъ, не возможно то, не будетъ вновь.

Изъ тьмы возстану ли! ты далека!
Мгновенья канули. Прошли вѣка.

Я гость единственный на всей землѣ.
Спять міръ таинственно въ предсмертной мглѣ.

Зачѣмъ въ безлюдіи послѣднихъ дней
Молюсь о чудѣ я—о ней! о ней!

VI.

ВЪ ДАМАСКЪ.

Губы мои приближаются
Къ твоимъ губамъ,
Таинства снова свершаются,
И міръ какъ храмъ.

Мы, какъ священнослужители,
Творимъ обрядъ,
Строго въ великой обители
Слова звучать.

Ангелы ницъ преклоненные
Поютъ тропарь.
Звѣзды—лампады зажженныя,
И ночь—алтарь.

Что насъ влечетъ съ неизбѣжностью,
Какъ сталь магнитъ?
Дышимъ мы страстью и нѣжностью,
Но взоръ закрыть.

Водоворотомъ мы схвачены
Последнихъ ласкъ.
Вотъ онъ, отъ вѣка назначенный,
Нашъ путь въ Дамаскъ!

VII.

ПЫТКА.

Эта боль не разъ мной испытана,
На крестъ я былъ распять не разъ,
Снова кровью одежда пропитана
И во взорахъ свѣтъ солнца погасъ.

Члены пыткой злой обезсилены,
Я во прахъ кровавомъ, какъ трупъ.
Выжидаютъ мгновенія филины,
Опустившись на ближній уступъ.

Но чѣмъ мука полнѣй и суровѣе,
Тѣмъ восторженнѣй пѣсни хочу,
И кричу и пою славословія,
Вѣчный гимнъ моему палачу.

О, приди, безъ улыбки, безъ жалости,
Снова къ древу меня пригвождать,
Чтобъ я могъ въ ненасытной усталости
Снова руки твои цѣловать.

Чтобъ въ борьбѣ съ сладострастной безмѣрностью
Наростающихъ яростныхъ мукъ
Я утѣшенъ былъ дѣвственной вѣрностью
Этихъ строго безжалостныхъ рукъ.

VIII.

ТАИНСТВА НОЧЕЙ.

Хранятся въ памяти, какъ въ темной книгѣ,
Свершившіяся таинства ночей,
Тѣ, жизни чуждые, святые миги,
Когда я былъ и отданъ, и ничей.

Я помню запахъ тьмы и запахъ тѣла,
Дрожащихъ членовъ выгибы и зной,
Миръ, дышашій желаньемъ до предѣла,
Безформенный, безъ-образный, иной.

Исторгнутыя мукой сладострастья,
Безумны были рѣчи и мечты.
Казалось мнѣ, что властенъ ихъ заковать я
Заклятіемъ предвѣчной темноты.

Но эта мгла и криковъ и видѣній
Въ другой душѣ, какъ и въ моей, жива.
О вы, участницы ночныхъ радѣній,
Вы слышали запретныя слова!

Я былъ не одинокъ во храмѣ страсти,
Даль подсмотрѣть свой потаенный сонъ,
И этотъ храмъ позоромъ соучастій
Въ моей душѣ навѣки оскверненъ.

IX.

БАШНЯ ЛЮБВИ.

Мнѣ грустно оттого, что мы съ тобой не двое,
Что мѣсяцъ, гость небесъ, заглянетъ къ намъ въ окно,
Что грохотъ города нарушитъ все ночное,
И будетъ счастье тьмы межъ зорь заключено.

Мнѣ грустно оттого, что завтра ты съ другими
Смѣшашься въ одной вскипающей волнѣ,
И будешь между нихъ, и будешь вмѣстѣ съ ними,
И хоть на краткій мигъ забудешь обо мнѣ.

О еслибъ быть вдвоемъ въ высокой, узкой башнѣ,
Гдѣ лампъ кровавыхъ свѣтъ затепленъ навсегда,
Гдѣ вѣчно — только ночь, какъ завтра—день вчерашній,
И гдѣ то безъ конца шумитъ, шумитъ вода.

Отторгнуты отъ всѣхъ, отъяты отъ вселенной,
Мы были бъ лишь вдвоемъ, я твой, ты — для меня,
Мы были бъ какъ цари надъ вѣчностью мгновенной,
И годъ смѣнялъ бы голь, какъ продолженье дня.

X.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯДЪ.

Я сквозь незапертыя двери
Вошелъ въ давно знакомый домъ,
Какъ въ замокъ сказочныхъ повѣрій,
Постигнутый волшебнымъ сномъ.

Сквозь спущенныя занавѣски
Чуть проникали тѣни дня,
И люстры тонкія подвѣски
Сверкали блѣдно, не звеня.

И такъ шаги казались странны,
Почти заглушены въ коврахъ.
Картины, темны и туманны,
Терялись смутно на стѣнахъ.

Я встрѣтилъ взглядъ безъ выраженья
Остановившихся часовъ.
Полузасохшія растенья
Стояли стражей мертвецовъ.

Я заглянулъ... Она смотрѣла,
Какъ тихо догоралъ каминъ.
Зола какихъ то писемъ тлѣла,
Но въ воздухѣ дышала жасминъ.

На платьѣ бѣлое все рѣже
Бросали угли отсвѣтъ свой.
Она вдыхала запахъ свѣжій,
Клонясь все ниже головой.

И не веселый, не печальный,
Я скрылся, какъ вошелъ, безъ словъ,
Принявъ въ гостиной взглядъ прощальный
Остановившихся часовъ.

XI.

ОДИНОЧЕСТВО.

Проходить дни, проходить сроки,
Свободы тщетно жаждемъ мы.
Мы беспощадно одиноки
На днѣ своей души—тюрьмы!

Присуждены мы къ вѣчной кельѣ,
И въ наше тусклое окно
Чужое горе и веселье
Такъ дьявольски искажено.

Напрасно жизнь проходить рядомъ
За двямя день, за годомъ годъ.
Мы лжемъ любовью, словомъ, взглядомъ,—
Вся сущность человѣка лжетъ!

Нѣтъ силъ сказать, нѣтъ силъ услышать,
Невластно ухо, мертвъ языкъ.
Лишь время знаетъ, чѣмъ утишить
Безумно вопіющій крикъ.

Срывай послѣднія одежды
И грудью всей на грудь прильни,—
Порывъ безсиленъ! нѣтъ надежды!
И въ самой страсти мы одни!

Нѣтъ единенья, нѣтъ сліянья—
Есть только смутная алчба,
Да согласованность желанья,
Да равнодушіе раба.

Напрасно духъ о сводъ желѣзный
Стучится крыльями, скользя.
Онъ вѣчно здѣсь, надъ той же бездной:
Упасть въ сосѣдную—нельзя!

И путникъ по срединѣ луга,
Куда бы онъ ни кинулъ взоръ,
Всегда пребудеть въ центрѣ круга,
И будетъ замкнуть кругозоръ!

XII.

КЪ БЛИЗКОЙ.

Предстанеть мигъ, и духъ мой канеть
Въ неизмѣримость безъ временъ,
И что то новое настанеть,
И будетъ прахъ земли какъ сонъ.

Настанеть мiръ иныхъ скитанiй,
Иныхъ паденiй и высотъ,
И, проходя за гранью грани,
Мой духъ бывшее отряхнеть,

Воспоминанья всѣ утратить,
Въ огнѣ небесъ перегорить
И за познанье тайнъ заплатить
Забвеньемъ счастья и обидъ.

И вотъ, какъ облако влекомый,
Молчанье 'строгое храня,
Я вдругъ заввижу ликъ знакомый,
И трепеть обожжетъ меня.

Въ моей душѣ преображенной,
Отъ всѣхъ условій бытія,
Какъ мысль отъ тѣни, отрѣшенной,
Возстанетъ вся любовь моя,

Весь кругъ безсилія и счастья,
Всѣ дни, что вѣчностью прошли,
Весь вѣщій ужасъ сладострастья,
Вся ложь, вся радуга земли!

И словно вновь подъ сводомъ звѣзднымъ,
Съ своей бездонной высоты,
Твое я имя кину къ безднамъ,
И мнѣ на зовъ отвѣтишь—ты!

СОНЕТЫ И ТЕРЦИНЫ.

I.

ОБРАЗЪ.

G. d'Annunzio.

Какъ горьки думы о безстыдномъ тѣлѣ!
Огонь желаній умерь,—и мечты
Не красятъ больше бѣдной наготы,
Въ безсильномъ снѣ простертой на постелѣ.

Изъ тайнъ души тогда выходишь ты,
О чистый Образъ, шепчешь: «неужели!»
И клонишь голову: такъ асфоделей
На тонкомъ стеблѣ клонятся цвѣты.

О, горьки думы о безстыдномъ тѣлѣ!
Такъ одиноко сердце, какъ въ гробу!
Воспоминанья жгучимъ ядомъ полны!

А ты глядишь, ты все глядишь, безмолвный,
Прекрасный Образъ—съ жемчугомъ на лбу
И кропкимъ взоромъ, какъ глаза газелей.

II.

ВТИРУША.

Ты вновь пришла, вновь посмотрѣла въ душу,
Смѣешься надъ безсильнымъ крикнуть: «прочь».
Тотъ вѣчно рабъ, кто принялъ разъ втирушу...
Покорствуй, духъ, когда нельзя помочь.

Я—трупъ пловца, заброшенный на сушу,
Ты—зыбкихъ волнъ неистовая дочь.
Бери меня. Я клятвы не нарушу.
Въ твоихъ рукахъ я буду мертвъ всю ночь.

До утра буду я твоей добычей,
Орудіемъ твоихъ ночныхъ угѣхъ,
И будетъ вокругъ меня звенѣть твой смѣхъ.

Исчезнешь ты подъ первый шепеть птичій,
Но я останусь нѣмъ, и недвижимъ,
И странно чуждымъ женщинамъ земнымъ.

III.

ОТВЕРЖЕНИЕ.

Мой рокъ, благодарю о вѣрный, мудрый змій!
Ядъ отверженія—напитокъ вѣщеносный!
Ты запретилъ мнѣ міръ извѣданный и косный,
Слова и числа давъ—просторы двухъ стихій!

Мнѣ чужды съ раннихъ дней — блистающія весны,
И рѣчи о «любви», завѣтный хламъ витій;
Люблю я кактусы, пасть орхидей, да сосны,
А изъ людей лишь тѣхъ, кто презрѣлъ «не убій»

Вотъ почему мнѣ такъ мучительно знакома
Съ мишурной кисеей продажная кровать.
Я въ залѣ межъ блудницъ, съ ватагой пьяницъ, дома.

Одни пришли сюда грѣшить и убивать,
Другія, перейдя за глубину паденья,
Внѣ человѣчества, какъ странныя растенья.

IV.

ЛѢСНАЯ ДѢВА.

Л. Н. Вилькиной.

На перекресткѣ, гдѣ сплелись дороги,
Я встрѣтилъ женщину: въ сверканьи глазъ
Ея—быль смѣхъ, но губы были строги.

Горяшій, яркій вечеръ быстро гасъ,
Лазурь увлаживалась тихимъ свѣтомъ,
Неслышно близился завѣтный часъ.

Мнѣ сдѣлавъ знакъ съ насмѣшкой иль привѣтомъ,
Безвѣстная сказала мнѣ: «ты мой!»
Но взоръ ея такъ ласковъ былъ при этомъ,

Что я за ней пошелъ тропой лѣсной,
Покорный странному и сладкому вліянью.
На вѣтви гуще падалъ мракъ ночной...

Все было смутно шаткому сознанью,
Стволы и шелестъ, тѣни и она,
Вся бѣлая, подобная сіянью.

Манила мгла въ себя, какъ глубина;
Казалось мнѣ, я падалъ съ каждымъ шагомъ,
И, забываясь, жадно жаждалъ дна.

Тропа свивалась долго надъ оврагомъ,
Гдѣ слышался, то робкій смѣхъ, то вздохъ,
Потомъ скользнула внизъ, и вдругъ зигзагомъ,

Русломъ ручья, который пересохъ,
Насъ вывела на свѣтъ, къ полянѣ малой,
Гдѣ черной зеленью стелился мохъ.

И женщина, смѣясь, недвижно стала,
Среди высокихъ илистыхъ камней,
И, молча, подойти мнѣ указала.

Приблизился я, какъ лунатикъ, къ ней,
И руки протянулъ, и обнялъ тѣло,
Во храмѣ ночи, во дворцѣ тѣней.

Она въ глаза мнѣ мигъ одинъ глядѣла
И—прошептавъ холодныя слова:
«Отдай мнѣ душу»—скрылась тѣнью бѣлой.

Вдругъ стала ночь таинственно мертва.
Я былъ одинъ на блещущей полянѣ,
Гдѣ мохъ чернѣлъ и зыблилась трава...

И до утра я проблуждалъ въ туманѣ,
По жуткой чащѣ, по чужимъ тропамъ,
Дыша, въ бреду, огнемъ вопинсоманій.

И на разсвѣтъ—какъ, не знаю самъ,—
Пришелъ я вновь къ покинутой дорогѣ.
Усталый на землю упалъ я тамъ.

И вотъ я жду въ томлени и въ тревогѣ
(А солнце жжетъ съ лазури огневой),
Сойдетъ ли ночь, мелькнетъ ли обликъ строгій...

Приди! Зови! Бери меня! Я—твой!

Петербургъ, 1902.

V.

MON RÊVE FAMILIER.

Люблю мечты моей созданье.
Лермонтовъ.

Вновь одинокъ, какъ десять лѣтъ назадъ,
Брожу въ саду; ведутъ аллеи тѣ же,
Съ цвѣтушихъ липъ знакомый аромать.

Чу! лай собакъ. Повѣялъ вѣтеръ свѣжій,
И съ тихимъ вечеромъ приходитъ бредъ,
Что нѣжить сердце годъ за годомъ рѣже.

Мнѣ нынче снова—девятнадцать лѣтъ!
Ты вновь со мной, «мечты моей созданье»!
Дай плакать мнѣ—я снова твой поэтъ!

Какъ сладостно твоихъ шаговъ шуршанье;
Ты дышишь рядомъ; подыми я взоръ,
Твоихъ очей отвѣтитъ мнѣ сверканье.

Не измѣнилась ты—о нѣтъ—съ тѣхъ поръ,
Какъ мальчику явилась ты впервые,
И былъ свершень—нашъ брачный договоръ!

Ты мнѣ дала узнать, что страсть—стихія,
Ввела во храмы воплощенныхъ грезъ,
Открыла мнѣ просторы неземные,

Слѣдила ты, какъ другъ, пока я росъ,
На первыя свиданья приходила,
Была межъ нами третья въ мѣрѣ розъ.

Я измѣнилъ—но ты не измѣнила,
Лишь отошла, поникнувъ головой,
Когда меня смутила злая сила.

О какъ я могъ пожертвовать тобой!
И женщинѣ изъ плоти и изъ крови
Какъ предпочелъ небесный образъ твой!

Но лишь съ тобой мнѣ счастье было вновь.
Въ часы луны, у перепѣвныхъ струй,
На ложѣ—у палящихъ изголовій,

Прильнувъ къ груди, впивая поцѣлуй,
Невольно я тебя искалъ очами,
Тебя я жаждалъ... Вѣрь и не ревнуй.

Попрежнему твой ликъ виталъ надъ снами!
Кого бъ я не ласкалъ дрожа, любя,
Я счастливъ былъ лишь тайными мечтами,—

Во всѣхъ, во всѣхъ лаская лишь тебя!

Петровское-Разумовское, 1903.

VI.

SANCTA AGATHA.

На горы тихая ложилась мгла,
А деревца по склонамъ были вѣжны.
Изъ церкви, торопясь, домой я шла.

Со мной былъ крестъ, хранитель мой надежный,
Бѣлѣли чаши лилій по пути,
Благоухалъ въ цвѣту разсадникъ смежный.

И тамъ, гдѣ надлежало мнѣ пройти,
Гдѣ тѣсно путь сжимали двѣ ограды,
Предсталъ мнѣ юноша лѣтъ двадцати.

И, встрѣтясь, наши опустились взгляды:
Прекрасный, онъ—какъ праотецъ былъ нагъ.
Намъ стало страшно и мы были рады.

Безъ воли я замедлила мой шагъ,
И стала, прислонясь, подъ вѣткой сливы,
А онъ ко мнѣ, какъ братъ иль тайный врагъ:

«Агата, молвиль, мы съ тобой счастливы!
Я—мученикъ святой, я—Себастьянь.
Умремъ мы въ мукахъ, но въ Отцѣ мы живы!»

Взглянувъ, увидѣла я кровь изъ ранъ
И жадно впившіяся въ тѣло стрѣлы,
Но былъ онъ свѣтомъ бѣлымъ осіянь.

И тотъ же свѣтъ, торжественный и бѣлый,
Вдругъ отъ меня разлилъ свои лучи.
Вокругъ народъ столпился, городъ цѣлый.

Сорвавъ съ меня одежду, палачи
Мнѣ груди вырвали, глумясь, щипцами
И занесли надъ головой мечи.

Мой спутникъ поддержаль меня руками
(Я падала отъ боли и стыда),
Спускались съ неба два вѣнца надъ нами.

«Сестра, спросилъ меня онъ, ты тверда?»
И подаль мнѣ отрубленные груди.
Я какъ невѣста отвѣчала «да»

И къ небу протянула ихъ на блюдѣ,
Не зная, гдѣ страданье, гдѣ любовь.
Но тутъ иные замелькали люди.

Исчезло все, и Себастьянь и кровь,
Означилась моя дорога къ дому
И, торопясь, пошла я дальше вновь,

Отнынѣ обрученная святому!

Флоренція, 1902.

VII.

ТЕРЦИНЫ КЪ СПИСКАМЪ КНИГЪ.

И васъ я помню, перечни и списки,
Васъ вижу предъ собой за ликомъ ликъ.
Вы мнѣ въ степи безлюдной снова близки.

Я ваши таинства давно постигъ!
При лампѣ, наклонясь надъ каталогомъ,
Вникать въ названья неизвѣстныхъ книгъ;

Слѣдить за именами; слогъ за слогомъ
Впивать слова чужого языка;
Угадывать великое въ немногомъ;

Возсоздавать поэтовъ и вѣка
По краткимъ, повторительнымъ помѣтамъ:
«Безъ титула», «въ сафьянѣ» и «рѣдка».

И нынѣ вы предстали мнѣ скелетомъ
Всего, что было жизнью сто вѣковъ,
Киваетъ онъ съ насмѣшливымъ привѣтомъ,

Мнѣ говорить: «Я не совсѣмъ готовъ,
Еще мнѣ нужны кости и суставы,
Я жажду книгъ, чтобъ слѣзать груду словъ.

Мечтайте, думайте, ищите славы!
Мнѣ все равно, безумецъ или пророкъ,
Созданье для ума и для забавы.

Я всѣмъ даю опредѣленный срокъ.
Твори и ты, а изъ твоихъ мечтаній
Я сохраню навѣкъ семь-восемь строкъ.

Всесильнѣе моихъ упоминаній
Нѣтъ ничего. Безсмертіе во мнѣ.
Вѣнчаю я—міръ творчества и знаній».

Такъ остоуъ говорить мнѣ въ тишинѣ,
И я, съ покорностью цѣлюя землю,
При быстро умирающей лунѣ,

Исчезновеніе! твой зовъ приѣмлю.

1901.

ҚАРТИНЫ.

НА УЛИЦЪ.

I.

ЛЮБЛЮ ОДНО.

Люблю одно: бродить безъ цѣли
По шумнымъ улицамъ, одинъ;
Люблю часы святыхъ бездѣлій,
Часы раздумій и картинъ.

Я съ изумленьемъ, вѣчно новымъ,
Весной встрѣчаю синеву,
И въ вечеръ пьянъ огнемъ багровымъ,
И ночью сумракомъ живу.

Смотрю въ лицо идущихъ мимо,
Въ ихъ тайны властно увлеченъ,
То полонъ грустью нелюдиной,
То богомоленъ, то влюбленъ.

Подъ вольный грохотъ экипажей
Мечтать и думать я привыкъ,
Въ тѣснинѣ стѣнъ я весь на стражѣ:
Да уловлю Господень ликъ!

II.

ПРЕЛЕСТИ ЗЕМЛИ.

Все рѣже я и все безстрастнѣй
Смотрю на прелести земли.
Какъ въ дѣтствѣ нѣжившія басни,
Красоты міра отошли.

Мнѣ тяжела дневная зелень
И слишкомъ сини небеса,
Для слуха каждый звукъ раздѣлень,
Когда взволнуются лѣса.

Люблю я сумрачныя краски,
Громады стѣнь въ лучахъ луны,
Меня привѣтствуетъ по братски
Мірѣ доразсвѣтной тишины.

Дрожа бѣлѣть сумракъ чуткій,
Гремящій городъ мертвъ на часъ,
Спать мудрецы, спать проститутки,
И въ два ряда мнѣ свѣтитъ газъ.

III.

ЗИМНИЕ ДЫМЫ.

Хорошо намъ, вольнымъ дымамъ,
Подыматься, разстилаться,
Кочевать путемъ незримымъ,
Въ рѣдкомъ воздухѣ теряться,

Проходя по длиннымъ трубамъ,
Возноситься выше, выше,
И клубиться бѣлымъ клубомъ,
Наклоняясь къ бѣлымъ крышамъ.

Дѣти пламени и праха,
Мы какъ пламя многолики,
Мы встрѣчаемъ смерть безъ страха,
Въ вольной области—владыки!

Надъ толпой нѣмыхъ строеній,
Міромъ камней онѣмѣлыхъ,
Мы—семья прозрачныхъ тѣней—
Дышимъ въ дѣвственныхъ предѣлахъ.

Воздухъ медленный и жгучій—
Какъ опора нашихъ крыль,
Сладко рѣять дружной тучей
Безъ желаній, безъ усилій.

Даль морозная въ туманѣ,
Блѣдень мѣсяць въ глуби синей,
Въ смѣнѣ легкихъ очертаній
Мы кочуемъ по пустынѣ.

IV.

РАНЬШЕ УТРА.

Я знаю этотъ свѣтъ неутомимо-четкій,
И слишкомъ рѣзкій стукъ пролетки въ тишинѣ,
Предъ окнами конторъ желѣзныя рѣшетки,
Пустынностьъ улицы, не дышащей во снѣ.

Ночь канула въ года, свободно и безумно.
Еще горять огни всѣхъ вдохновенныхъ силъ.
Но свѣжій утренникъ мнѣ вѣетъ въ грудь безшумно,
Недвижные дома — какъ тысячи могилъ.

Тамъ люди—трупы спать, вдвоемъ и одиноко,
То навзничь, ротъ открывъ, то ницъ—на животѣ.
Но небо надо мной глубоко и высоко,
И даль торжественна въ открытой наготѣ!

Два равныхъ міра есть, двѣ равныя стихіи:
Міръ дня и ночи міръ, безумства и ума,
Но тяжки грани ихъ—часы полуночныя,
Когда не властенъ свѣтъ и расточилась тьма.

V.

КАМЕНЩИКЪ.

— Каменщикъ, каменщикъ, въ фартукъ бѣломъ,
Что ты тамъ строишь? кому?

— Эй не мѣшай намъ, мы заняты дѣломъ,
Строимъ мы, строимъ тюрьму.

— Каменщикъ, каменщикъ, съ вѣрной лопатой,
Кто же въ ней будетъ рыдать?

— Вѣрно, не ты и не твой братъ, богатый.
Незачѣмъ вамъ воровать.

— Каменщикъ, каменщикъ, долгія ночи
Кто жъ проведетъ въ ней безъ сна?

— Можетъ быть сынъ мой, такой же рабочий.
Тѣмъ наша доля полна.

— Каменщикъ, каменщикъ, вспомнить пожалуй
Тѣхъ онъ, кто несъ кирпичи!

— Эй берегись! подъ дѣсами не балуй...
Знаемъ все сами, молчи!

VI.

МАЛЬЧИКЪ.

Въ бочкѣ обмерзлой вода колыхается,
Жалко дрожить деревянный черпакъ,
Мальчикъ вожатый изъ силъ выбивается,
Бочку на горку не втащить никакъ.

Зимняя улица шумно взволнована,
Сани летягъ, пѣшеходы идутъ,
Только обмерзлая бочка прикована:
Выемъ случайный и скользокъ и крутъ.

Ангель сверкаетъ блестящимъ воскрыліемъ,
Ангель въ лучистомъ вѣнцѣ надъ челомъ,
Взялъ за веревку и легкимъ усиліемъ
Бочку вкатилъ на тяжелый подъемъ.

Крестится мальчикъ, глядитъ неувѣренно,
Вотъ покатилъ свои санки впередъ.
Городъ шумитъ неизмѣнно, разиѣренно,
Сани летягъ и проходитъ народъ.

VII.

ЦАРИЦА.

Съ конки сошла она шагомъ богини,
(Лилія бѣлая, взрослая въ тинѣ!)
Долго смотрѣлъ я на правильность линій
Молодого лица.
Сумракъ холодный лежалъ безъ конца,
Небеса были звѣздны и сини.

Она подняла накидку на плечи.
Я оскорбить не осмѣлился встрѣчи.
Были бѣ ненужны и тягостны рѣчи
Здѣсь на землѣ!
Контуръ ея затерялся во мглѣ.
Горѣли кругомъ погребальныя свѣчи.

Да! я провидѣлъ тебя въ багряницѣ,
Въ золотой діадемѣ... Надменной царицей
Ты справляла триумфъ въ покоренной столицѣ...
Чу! крики безчисленныхъ устъ!
Нѣтъ, тротуаръ озаренный безмолвенъ и пустъ,
Лишь фонари убѣгаютъ впередъ ввереницей.

VIII.

ПРОХОЖЕЙ.

Она прошла и опьянила
То мящимъ сумракомъ духовъ
И быстрымъ взоромъ отгѣнила
Возможность невозможныхъ сновъ.

Сквозь уличный желѣзный грохотъ
И пьянъ отъ синяго огня,
Я вдругъ слышала жадный хохотъ,
И змѣи оплели меня.

Въ моихъ глазахъ еще синѣла
Небесъ вечернихъ полумгла,
Но теплота чужого тѣла
Меня объяла и прожгла.

И въ ужасъ борьбы упорной,
Межъ клятвъ, моленій и угрозъ,
Я былъ опутанъ влагой черной
Ея распущенныхъ волосъ.

IX.

ГОЛОСЪ ЧАСОВЪ.

Съ высокой башни колокольной,
Призывный замѣняя звонъ,
Часы поютъ надъ жизнью дольной,
Слѣдя движеніе временъ.

Но днемъ въ бреду многоголосномъ
Не слышенъ звонкій ихъ напѣвъ,
Надъ гулкимъ грохотомъ колеснымъ,
Надъ крикомъ рынка, смѣхомъ дѣвъ.

Когда жъ устанетъ день, и ляжетъ
Ночная тѣнь во всѣхъ углахъ,
И шуму замолчать прикажетъ,
И перемѣнитъ жизнь въ огняхъ,

Мы всѣ, покорствуя неволью,
Въ пространномъ царствѣ вѣщихъ сновъ,
Съ высокой башни колокольной
Внимаемъ голосу часовъ.

Густѣютъ и рѣдѣютъ тѣни.
А торжествующая мѣдь
Зоветь и насъ въ чредѣ мгновений,
Мелькнуть, побыть и умереть.

X.

НА СКАЧКАХЪ.

Люблю безумное стремленье
Къ столбу летящихъ лошадей,
Ихъ равномерное храпѣнье
И трепеть вытянутыхъ шей.

Когда въ началѣ свѣжи силы,
Подъ шумъ о землю бьющихъ ногъ,
Люблю задержанной кобылы
Увѣренный, упругій скокъ.

Люблю я пестрые камзолы,
Въ случайный сбитые букетъ,
И финишъ, ярый и тяжелый,
Гдѣ мигъ колеблетъ «да» и «нѣтъ».

Когда счастливецъ на прямую
Выходитъ, всѣхъ опередивъ,
Я съ нимъ побѣду торжествую,
Его понятенъ мнѣ порывъ!

Быть первымъ, вольно одинокимъ!
И видѣть, что близка мета,
И слышать отзвукомъ далекимъ
Удары ногъ и шелкъ хлыста!

XI.

ЧУДОВИЩА.

Во всѣхъ углахъ жилья, въ проходахъ, за дверьми
Стоять чудовища, незримыя людьми:
Болѣзни, ужасы и думы тѣхъ, кто прежде
Жилъ въ этихъ комнатахъ и вѣрилъ здѣсь надеждѣ.
И всѣ мы, съ первыхъ дней вступая въ старый домъ,
Подъ ихъ вліяніемъ таинственнымъ живемъ.
Ихъ образъ—какъ у птицъ. Какъ глупые пингвины,
Они стоятъ во мглѣ, къ стѣнѣ притиснувъ спины
И чинно крылышки прижавъ къ своимъ бокамъ;
Какъ грифы сѣрые, нахохлясь по угламъ,
За печкой, за бюро сидятъ неясной грудой;
Какъ совы, на шкапахъ таятся, и оттуда
Глядятъ незрячими глазами цѣлый день.
При свѣтѣ дня ихъ нѣтъ, они—пустая тѣнь,
И только вечеромъ, когда уносятъ свѣчи,
И гдѣ то вдалькѣ шумятъ за чаемъ рѣчи,—
Въ потемкахъ, въ комнатахъ, безмолвныхъ съ давнихъ поръ,
Они выходятъ всѣ изъ мрака и изъ норъ,
Гуляютъ и шумятъ за мигомъ мигъ смѣлѣ,
Почти что на виду вытягиваютъ шеи,
Пугаютъ мальчика, боящагося мглы,
И, лишь внесутъ огонь, скрываются въ углы.
А послѣ, полночью, въ квартирѣ туго спящей
Блуждаютъ, властные, какой то ратью мстящей,
Мечтами давнихъ лѣтъ холодный сонъ томятъ
И въ губы спящаго вдыхаютъ мертвый ялъ.

XII.

ОКЛИКИ ДЕМОНОВЪ.

Свистки паровозовъ въ предутренней мглѣ,
Дымъ надъ безжизненнымъ прудомъ.
Городъ все ближе: обдуманнѣмъ чудомъ
Зданія, ставшія въ строй по землѣ,
Привѣтъ—размѣреннымъ грудамъ!

Проволокъ нити нѣжнѣй и нѣжнѣй
На небѣ, свѣтлѣющемъ нѣжно.
Вотъ обняли двѣ вереницы огней,
Мой шагъ по плитамъ слышнѣй.
Проститутка меня позвала безнадежно.

Бѣлая мгла въ предразсвѣтнѣй часѣ!
(Она словно лѣтѣтъ въ взгляды.)
Безумныя грезы усталыхъ глазъ!
Призраки утра! мы не страшны для васъ,
Вы пустынному часу такъ рады.

Всходятъ, идутъ и плывутъ существа,
Застилаютъ заборы,
Глядятъ изъ подваловъ, покинувши норы,
Жадно смотрятъ за шторы,
И сквозь бѣлое тѣло видна синева,

Вотъ малютки—два призрака—въ яркомъ вѣнкѣ
Забавляются пылью,
Вотъ длинная сѣрая шаль на больномъ старикѣ,
Вотъ женщина сѣла на камень въ тоскѣ,
Вотъ дѣвушку къ небу влекутъ ея крылья.

Ходятъ, стоятъ, преклоняются ницъ,
(Словно обычные люди!)
Рѣютъ рядами чудовищныхъ птицъ,
Лепечутъ привѣты и шепчутъ угрозы,—
Предъ утромъ бродячія грезы!

О дымъ на безжизненномъ прудѣ!
О лемововъ оклики! ваши свистки, паровозы!

XIII.

НОЧЬ.

Горящее лицо земля
Въ прохладной тѣни окунула.
Пустьють знойныя поля,
Въ столицахъ молкнетъ пѣсня гула.

Идетъ и торжествуетъ мгла,
На лампы дуетъ, гаситъ свѣчи,
Въ постели къ любящимъ легла
И властно ихъ смежила рѣчи.

Но пробуждается развратъ.
Въ его блестящія пріюты
Сквозь тьму, по улицамъ, спѣшать
Скитальцы покупать минуты.

Стрѣлой вонзаясь въ города,
Свистя въ поляхъ, гремя надъ бездной,
Летятъ немолчно поѣзда
Впередъ по полосу желѣзной.

Глядятъ насытые ряды
Фабричныхъ оконъ въ темный холодъ,
Не тихнетъ рѣзкій стонъ руды,
Ему въ отвѣтъ хохочетъ молотъ.

И, спину яростно клоня,
Скрываютъ бѣшенство проклятій
Среди желѣза и огня
Давно испытанныя рати.

АНТОЛОГІЯ.

I.

ЯРОСТНЫЯ ПТИЦЫ.

Яростныя птицы съ огненными перьями
Провеслись надъ бѣлыми райскими преддверьями,
Огненные отблески вспыхнули на мраморѣ,
И умчались странницы, улетѣли за море.

Но на чистомъ мраморѣ, на порогѣ дѣвственномъ,
Что то все алѣлося блескомъ неестественнымъ,
И въ вратахъ подъ сводами, вѣчными, алмазными,
Упивались ангелы тайными соблазнами.

II.

СЛАДОСТРАСТІЕ.

Ө. Сологубу.

Въ яркомъ вѣнкѣ изъ пурпурнаго мака,
Смутно рѣсницы къ землѣ опустивъ,
Женщина вышла изъ тусклаго мрака...
Обликъ лица ея грубо красивъ.

Серьги по золоту блещутъ рубиномъ,
Шею оплелъ ей кровавый коралъ,
Вѣетъ отъ губъ ея чѣмъ то звѣринымъ,
Тишью пещеръ и пустынностью скалъ.

Черные волосы, съ сумракомъ слиты,
Пали на бѣлую матовость плечь,
Выпуклы, подняты, вѣчно не сыты,
Груди дрожатъ отъ желанія встрѣчь.

Руки протянуты (такъ, безпокоясь,
Ищетъ слѣпая далекой стѣны),
Бедра опуталъ ей тигровый поясъ...
Тише! привѣтствуй восторгъ тишины!

Чу! загремѣли чуть слышно запястья,
Губы скривились въ мучительный знакъ...
Снова, о снова, истомы и счастья!
Пусть осыпается пурпурный макъ.

III.

ВЪ РАЮ.

An Maximilian Schick.

Лишь закрою глаза, какъ мнѣ видится берегъ
Полноводной рѣки, тѣни синей волны.
Дремлетъ небо одной изъ полдненныхъ Америкъ,
Чуть дрожа на качеляхъ рѣчной глубины.

Вѣетъ вѣтеръ какого то лучшаго вѣка,
Вѣетъ юность свободной и гордой земли.
Мчатся легкія серны, друзья человѣка,
Пѣсня вольныхъ охотниковъ молкнетъ вдали.

Обнаженные юноши, дѣвы и дѣти
Выбѣгаютъ на отмель веселой толпой,
И бросаются въ воду, при радостномъ свѣтѣ,
Словно горсти жемчужинъ блестя за водой.

Длится время, качаются зыби заката,
Здѣсь и тамъ задымился и свѣтитъ костеръ.
Дѣва спутника игръ обнимаетъ какъ брата...
О, какъ сладки во мглѣ поцѣлуи сестеръ!

Да, я знаю тѣ земли и знаю то время,
Ихъ свободно и быстро въ мечтахъ узнаю...
И часами смотрю на блаженное племя,
И какъ путникъ-прохожій я съ ними, въ раю!

IV.

ЛЕДЪ И УГОЛЬ.

Ледъ и уголь, вы—могильны!
Что то было и прошло,
Черный уголь, тусклый, пыльный,
Ледъ блестящій какъ стекло!

Что вы, красные уроды,
Дымъ прорѣзавши, горды?
Удвоаетъ ликъ природы
Гладь затихнувшей воды!

Пусть все отжило, застыло,
Зыби нѣтъ, лучамъ конецъ:
Ледъ—надъ водною могилой,
Уголь безъ надеждъ мертвецъ!

Онъ подъ новой вспышкой жара
Лишь кровавится какъ бѣсъ,
Но свободной тѣнью пара
Ледъ восходить до небесъ.

V.

СОНЪ.

Какъ городъ призрачный въ пустынь,
У края безднѣ возникъ мой сонъ.
Не молкнетъ молній отсвѣтъ синій,
Надъ кручей ясенъ небосклонъ.

И пышенъ городъ, озаренный:
Чертоги, башни, купола,
И водоемы, и колонны..
Но ждеть въ бездонной безднѣ мгла.

И только явь мнѣ въ очи глянетъ—
Я буду сброшенъ съ тѣхъ высотъ,
И городъ тусклой тѣнью станеть
И, рухнувъ, въ пропасть соскользнетъ.

И алчно приметъ пасть пучины
За храмъ храмъ, за домоу домоу...
И вотъ—лишь двѣ иль три руины
Вѣщаютъ смутно о быломъ.

VI.

ЗИМНЯЯ КРАСОТА.

Твердятъ серебряныя сѣни
О счастья жизни для мечты,
О сладкомъ бытїи растеній
Въ убранствѣ зимней красоты.

Но я не внемлю, не приѣмлю
Ихъ мѣрный шопоть, бѣлый зовъ.
Люблю воскреснувшую землю
И кровь растоптанныхъ цвѣтовъ!

Нѣтъ, нѣтъ не надо мертвой нѣги
Въ лучахъ прельстительной луны!
Вставайте, мощные побѣги,
На пиръ огненной весны!

Я буду самъ какъ стебель явленъ,
Омою въ зноѣ вѣнчикъ свой,
И лягу, сломанъ и раздавленъ,
До первой вьюги снѣговой!

VII.

ЗНОЙНЫЙ ДЕНЬ.

Бѣлый день, прозрачно бѣлый,
Золотой какъ кружева...
Сосенъ пламенное тѣло,
Зноемъ пьяная трава.

Пробѣгающія тучи,
Но не смѣющія пасть...
Гдѣ то въ сердцѣ, съ силой жгучей,
Затаившаяся страсть.

Не гляди такъ, не зови такъ,
Ласкъ ненужныхъ не желай.
Пусть пылающій напитокъ
Перельется черезъ край.

Ближе вечеръ... Солнце клонить
Возрастающую тѣнь...
Пусть же въ памяти потонетъ
Золотой и бѣлый день.

VIII.

У ЗЕРКАЛА.

Я имени тебѣ не знаю,
Не назову,
Но я въ мечтахъ тебя ласкаю...
И наяву!

Ты въ зеркалѣ еще безгрѣшнѣй,
Прижмись ко мнѣ.
Но какъ рѣшить, что въ жизни внѣшней
И что во снѣ?

Я слышу Нилъ... закрыты ставни...
Песчаный энной...
Иль это только бредъ недавній,
Ты не со мной?

Иль, можетъ, все въ мгновенной смѣнѣ,
И нѣтъ имени,
И мы съ тобой летимъ, какъ тѣни,
Какъ чей то сонъ...

ІХ.

ОБЛАКА.

Облака опять поставили
Паруса свои.
Въ зыбь небесъ свой бѣгъ направили
Бѣлыя ладьи.

Тихо, плавно, безъ усилія
Въ даль безъ береговъ
Вышла дружная флотилія
Сказочныхъ пловцовъ.

И, плѣняясь тѣми сферами,
Смотримъ мы съ полей,
Какъ скользятъ рядами сѣрыми
Кили кораблей.

Но и насъ вѣдь долженъ съ палубы
Видѣть ктонибудь,
Чье желанье сознавало бы
Этотъ вольный путь!

X.

КАМНИ.

А. Добролюбову.

Камни, камни! о васъ сожалѣнье!
Вы по землѣ мнѣ родные!
Въ жилахъ моихъ роковое бѣнье
Та же, все та же стихія.
Вѣка вы питались кровью заката,
Жертвенной, дѣвственной кровью;
Васъ море ласкало, какъ старшаго брата,
Грызло, кусало съ любовью.
Люди, изъ васъ воздвигали мы храмы,
Изъ васъ мы слагали дворцы и жилища,
Вами мы крыли могильныя ямы,
Вы съ нами— въ жизни и на кладбищѣ!
Камни, камни, о васъ сожалѣнье!
Въ день, когда ангеловъ къ солнцу подымутся трубы,
Вы ли пребудете внѣ воскресенья,
Какъ хаосъ косный и грубый?
Нѣтъ! вы не даромъ родня изумрудамъ,
Аметистамъ, рубинамъ, сапфирамъ.
Жизненный трепеть пройдетъ по встревоженнымъ грудамъ
И камней восторженный гимнъ, какъ сіяніе, встанетъ надъ міромъ.

XI.

ТЕРЕМЪ.

Іоаннѣ Б.

Тихи дни и годы—годы въ терему,
Словно льются воды медленно во тѣму.
День неслышно таетъ, гаснетъ безъ слѣда..
Тусклый свѣтъ роняетъ пестрая сюда;
За окошкомъ главы—малый край небесь,
По простѣнкамъ травы—непостижный лѣсъ.
Съ темной образницы кроткій свѣтъ лампадъ..
Тѣ же, тѣ же лица, что и день назадъ!
Та же все работа, пѣсни безъ души..
Льются дни безъ счета, какъ вода въ тиши..
Только въ воскресенье бѣгло видишь міръ:
Въ перкви чтенье, пѣнье—отдаленный клиръ,
Дома смѣхъ, салазки, снѣжная пора,
Да подъ вечеръ пляски, сказки гусяра.
Сны усталыхъ сладки—жжетъ лебяжій пухъ..
На ухо загадки кто то шепчетъ вслухъ,
Снится сине море, снится царскій сынъ,
Знаешь страсть и горе, хоть на часъ одинъ!
Утро. Съ образницы кроткій свѣтъ на всѣхъ.
Тихо какъ въ гробницѣ. За окошкомъ—снѣгъ.

XII.

СТАРЫЙ ВИКИНГЪ.

Онъ сталь на утесъ; въ лицо ему вѣтеръ суровый
Бросалъ, насмѣхаясь, колючими брызгами пѣны,
И валъ возносился и рушился, бѣлоголовый,
И море стучалось у ногъ о гранитныя стѣны.

Подъ вѣтромъ уклончивый парусъ скользилъ на просторѣ,
Къ Винландіи внукъ его правилъ свой бѣгъ непреклонный
И съ каждымъ мгновеньемъ межъ ними все ширилось море
А голосъ морской разносился, какъ вопль похоронный.

О горе, кто видѣлъ, какъ дѣти дѣтей уплываютъ
Въ страну, недоступную больше мечу и побѣдамъ!
Кого и напѣвы военныхъ роговъ не сзываютъ,
Кто долженъ мириться со славой, уступленной дѣдамъ!

Хочу навсегда быть желаннымъ и сильнымъ для боя,
Чтобъ не были тяжки гранитныя, косныя стѣны,
Когда уплываетъ корабль среди шума и воя,
И вѣтеръ въ лицо намъ швыряется брызгами пѣны.

XIII.

TERTIA VIGILIA.

Ребенкомъ я, не зная страху,
Хоть вечеръ былъ и шла метель,
Блуждалъ въ лѣсу, и встрѣтилъ пряжу,
И полюбилъ ея кудель.

И было мнѣ такъ сладко въ дѣтствѣ
Слѣдить мелькающую нить,
И много тайныхъ соотвѣтствій
Съ мечтами въ краскахъ находить.

То нить казалась бѣлой, чистой,
То вдругъ подъ вкрадчивой луной
Блестала тканью серебристой;
Потомъ слилась со мглой ночной.

И нынѣ я на третьей стражѣ!
Востокъ означился, горя.
И заливаешь нити пряжи
Кровавымъ отблескомъ заря.

XIV.

НА ПЕСКЪ.

Маленькая дѣвочка
На пескѣ, на лѣсенкѣ
Камешки бросала.
Дѣти пѣли пѣсенки,
Ихъ семья играла.
Маленькая дѣвочка
Камешки бросала.
Бросить вверхъ—сѣется,
Хлопаютъ въ ладошки...
Дѣвочкамъ поется.
Гдѣ то тамъ, въ окошкѣ,
Пѣли, пѣли гаммы.
Маленькая дѣвочка
Камешки бросала,
Маленькая дѣвочка
Наконецъ устала,
На пескѣ, на лѣсенкѣ
Прилегла близъ мамы.
Дѣти пѣли пѣсенки;
Въ домикѣ натѣво
Изучали гаммы...
Я слагалъ напѣвы.

XV.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Дѣвочка далекая,
Спи, мечта моя!
Пѣсня одинокая
Надъ тобой—какъ я.

Пѣсня колыбельная,
Сложенная мной,
Странно нераздѣльная
Съ чуткой тишиной.

Это отзвукъ тающій
Прежнихъ, страстныхъ словъ,
Отзвукъ умирающій
Въ тихой безднѣ сновъ.

Словно рѣчь безсвязная—
Память лучшихъ дней...
А была алмазная
Радуга огней!

Дремлешь ты подъ пѣніе
Въ колыбели тьмы...
Будь хоть на мгновеніе
Счастлива какъ мы!

И въ минуту жгучую,
Отъ любви мертва,
Вспомни ночь шѣвучую,
Тихія слова!

Спи, моя далекая,
Въ храмѣ бытія,
Пѣсня одинокая—
Вся любовь моя!

XVI.

ПРЕЗРѢНІЕ.

Великое презрѣніе и къ людямъ и къ себѣ
Растеть въ душѣ властительно, царить въ моей судьбѣ.

Любилъ бы, да не въ силахъ я, не ищешь и не ждешь,
И всѣ мечты какъ призраки, и всѣ желанья—ложь.

Откроетъ ли намъ истина свое лицо иль нѣтъ,
Я буду ль жить по имени во глуби долгихъ лѣтъ,

И ты, о комъ я думаю, ты любишь ли меня,
И мнѣ скитаться долго ли, иль не дожить и дня,

Мнѣ все равно, мнѣ все равно, слѣжу игру тѣней.
Я долго жизнь разсматривалъ, я присмотрѣлся къ ней.

Какъ листъ, въ потокъ уроненный, я отдаюсь судьбѣ,
И лишь растеть презрѣніе и къ людямъ и къ себѣ.

XVII.

НЕКОЛЕБИМОЙ ИСТИНѢ.

З. Н. Гиппіусъ.

Неколебимой истинѣ
Не вѣрю я давно,
И всѣ моря, всѣ пристани
Люблю, люблю равно.

Хочу, чтобъ всюду плавала
Свободная ладья,
И Господа и Дьявола
Хочу прославить я.

Когда же въ бѣломъ саванѣ
Усну, пускай во снѣ
Всѣ бездны и всѣ гавани
Чредою снятся мнѣ.

1901.

ОДЫ И ПОСЛАНИЯ.

I.

К. Д. БАЛЬМОНТУ.

Вѣчно вольный, вѣчно юный,
Ты какъ вѣтеръ, какъ волна,
Рѣчь твоя поетъ какъ струны,
Входитъ въ души какъ весна.

Вѣтъ вѣтеръ быстролетный
И кругомъ дрожать цвѣты,
Онъ ласкаетъ, безотчетный,
Все вокругъ—таковъ и ты!

Ты какъ звѣзды—близокъ небу.
Да, ты—избранный, поэтъ!
Дара вышшаго не требуй!
Дара вышшаго и нѣтъ.

«Вышимъ знакомъ ты отмѣченъ»,
Чти свою святыню самъ,
Будь покорень, будь безпечень,
Будь подобень облакамъ.

Все равно, куда ихъ двинетъ
Вѣтеръ, вѣющій кругомъ.
Пусть туманъ какъ градъ застынетъ,
Пусть обрушится дождемъ,

И надъ полемъ и надъ бездной
Облака зарей горять.
Будь же тучкой бесполезной,
Какъ она лови закатъ!

Не ищи, гдѣ жаждетъ поле,
На раздумья сновъ не трать.
Намъ забота. Ты на волѣ!
На тебѣ ея печать!

Можетъ: наши сны глубоки,
Голосъ нашъ—вѣкамъ завѣтъ,
Какъ и ты, мы одиноки,
Мы пророки... Ты поэтъ!

Ты не нашъ—ты только Божій.
Мы весь годъ—ты краткій май!
Будь—единный, непохожій,
Нашей силы не желай.

Ты сильнѣй насъ! Будь поэтомъ,
Вѣрь мгновенью и мечтѣ.
Стой, своимъ овѣянъ свѣтомъ,
Гдѣ то тамъ, на высотѣ.

Тщетны дерзкія усилія,
Намъ къ тебѣ не досягнуть!
Ты же, вдругъ раскинувъ крылья,
Въ небесахъ направишь путь.

II.

ЕМУ ЖЕ.

Нѣтъ, мой лучшій братъ, не правъ ты:
Я тебя не разлюблю!
Мы плывемъ, какъ аргонавты,
Душу ввѣривъ кораблю.

Всѣ мы въ дѣлѣ: у кормила,
Тамъ гдѣ парусъ, гдѣ весло.
Пыль пучины окропила
Наше влажное чело.

Но и въ дикомъ крикѣ фурій,
Взоромъ молній озаренъ,
Заклинатель духовъ бури,
Ты поешь намъ, Аріонъ!

Если насъ къ земному лону
Донести дано судьбѣ,
Первый гимнъ нашъ—Аполлону,
А второй нашъ гимнъ—тебѣ!

Если жъ зыбкій гробъ въ пучинѣ
Присудили парки намъ,
Мы подземной Прозерпинѣ
И таинственнымъ богамъ

Предадимъ съ молитвой душу.—
А тебя изъ мглы пучинъ
Тихо вынесетъ на сушу
На спинѣ своей—дельфинъ.

1903.

III.

НАПОЛЕОНЪ.

Да! на дорогѣ поколѣній,
На пыли расточенныхъ лѣтъ,
Твоихъ шаговъ, твоихъ движеній
Остался неподвижный слѣдъ.

Ты скованъ былъ по мысли Рока
Изъ тяжести и властныхъ силъ.
Не могъ ты не ступать глубоко,
И шагъ твой землю тяготилъ.

Что строилось трудомъ суровымъ,
Вставало медленно—въ вѣкахъ,
Ты сокрушалъ случайнымъ словомъ,
Движеньемъ повергалъ во прахъ.

Самъ изумленъ служеньемъ счастья,
Ты какъ пращей металъ войска,
И мировое самовластье
Бросалъ какъ ставку игрока.

Пьявѣя славой неизмѣнной,
Ты шелъ сквозь мѣръ, круша, дробя...
И стало наконецъ вселенной
Не въ моготу носить тебя.

Земля дохнула полной грудью,
И ты, какъ листъ въ дыханьи грозъ,
Взвился, и полетѣлъ къ безлюдью,
И палъ, безсиленный, на утѣсь,

Гдѣ на раздольи одичаломъ
Отъ вѣка этихъ дней ждала
Тебя достойнымъ пьедесталомъ
Со dna встающая скала.

1901. 1903.

IV.

ЛЕВЪ СВЯТОГО МАРКА.

Pax tibi, Marce, evangelista meus.

Кѣмъ открыть въ кускѣ металла
Ты, святого Марка левъ?
Чье желанье оковало
На вѣка—державный гнѣвъ?

«Миръ тебѣ, о Маркъ, глашатай
Вѣчной истины моей»,
И на книгу левъ крылатый
Наступилъ, какъ стражъ морей.

Полузвѣрь и полуптица!
Охраняема тобой,
Пять вѣковъ морей царица
Насмѣхалась надъ судьбой.

Въ топи илистой лагуны
Встали бѣлые дворцы,
Пѣли кисти, пѣли струны.
Миръ судили мудрецы.

Сколько гордыхъ, сколько славныхъ,
Провожая въ море день,
Созерцали крылъ державныхъ
Возрастающую тѣнь!

И въ святые дни Беллини
Ты надъ жизнью міровой
Такъ же гордь стоялъ, какъ нынѣ
Надъ развѣнчанной страной.

Я—невѣдомый прохожій
Въ суетѣ другихъ бродягъ;
Предъ дворцомъ, гдѣ жили дожи,
Генуэзскій вѣтся флагъ;

Не услышишь ты съ канала
Тасса медленный напѣвъ;
Но, открытъ въ кускъ металла,
Ты хранишь державный гнѣвъ,

Надъ толпами, надъ вѣками,
Равенъ міру и судьбѣ,
Левъ съ раскрытыми крылами
На торжественномъ столбѣ.

Венеція, 1902.

V.

ВЕНЕЦІЯ.

Почему подь солнцемъ Юга въ яркихъ краскахъ и цвѣтахъ,
Въ формахъ выпукло-прекрасныхъ представалъ предъ взоромъ прахъ?

Здѣсь—пришлецъ я, но когда то здѣсь душа моя жила.
Это понялъ я, припомнивъ гондолъ черныя тѣла,

Это понялъ, повторяя Юга полныя слова,
Это понялъ, лишь увидѣлъ моего святого Льва!

Отъ условій повседневныхъ жизнь свою освободивъ,
Человѣкъ здѣсь сталъ прекрасенъ и какъ солнце горделивъ.

Онъ воздвигъ дворцы въ лагунѣ, сдѣлалъ дожемъ рыбака,
И къ Венеціи безвѣстной поползли, дрожа, вѣка.

И доннынѣ неизмѣнно все хранить здѣсь явный слѣдъ
Прежней дерзости и мощи, надъ которой смерти нѣтъ.

Венеція, 1902.

VI.

МАРІЯ СТЮАРТЪ.

О еслибъ знала ты, что предъ тобою было,
Когда бѣжалъ корабль къ туманной полосѣ,
Отъ милой Франціи къ Шотландіи немиллой,
Всѣ бѣды, весь позоръ, и униженья всѣ!

Любила ты балы и пышный чинъ обѣденъ,
И отдалась странѣ, гдѣ властвуетъ туманъ,
Гдѣ въ замкахъ дѣдовскихъ строй жизни хмуръ и бѣденъ
И гдѣ звучать псалмы угрюмыхъ пуританъ.

Ты страсти жаждала, какъ неба жаждутъ птицы,
Вся подчинялась ей, тонула въ яркихъ снахъ,—
И слышала въ лицо названіе блудницы,
И твой возлюбленный погибъ въ твоихъ рукахъ.

Потомъ, захвачена соперницей надменной,
Въ тюрьмѣ ты провлекла семнадцать гордыхъ лѣтъ,
И наконецъ безъ силъ, къ ея ногамъ смиренно,
Припала ты рабой... И смерть была отвѣтъ!

О! ты ждала ея! ты съ сердцемъ омертвѣлымъ
У плахи слушала послѣднихъ вѣрныхъ плачъ.
Но солгала и смерть: твоимъ безглавымъ тѣломъ
Въ ночной тиши насытился палачъ.

VII.

ИЮЛЬ 1903.

Да, пробилъ послѣдній, двѣнадцатый часъ
Такъ звучно, такъ грозно.
Часы міровые окликнули насъ.
О, еслибъ не поздно!

Зарницами синими полночь полна,
Бушуютъ стихіи.
Кровавымъ лучемъ озарилась луна
На Айа-Софіи.

Стоимъ мы теперь на распутьи вѣковъ,
Гдѣ выборъ дороги,
И въ грозную полночь окликнулъ насъ зовъ,
И властный и строгій.

Кто въ часъ совершеній въ дремотѣ поникъ,—
Судьбѣ неугоденъ.
И мимо пройдетъ, отвративши свой ликъ,
Посланникъ Господень.

О, есть еще время! Стучать и стучать
Часы міровые.
Въ таинственныхъ молніяхъ видѣнъ Царьградъ
И Айа-Софія.

VIII.

ЮРГИСУ БАЛТРУШАЙТИСУ.

Осенній вѣтеръ вылъ надъ урной одинокой.

Ю. Б.

Намъ должно жить! Лучемъ и свѣтлой пылью,
Волной и бездной должно опьянѣть,
И всѣ круги пройти—отъ торжества къ безсилью,
Устать прекрасно,—но не умереть!

Намъ ввѣрены загадочныя сказки,
Каменя, ожерелья и слова,
Чтобъ міръ не сталъ глухимъ, чтобъ не померкли краски,
Чтобъ тайна вѣяла, жива.

Блудящій огонекъ—надежда всей вселенной—
Намъ окружилъ вѣнцами волоса,
И если мы умремъ, то онъ—нетлѣнный—
Изъ жизни отлетитъ, къ планетамъ, въ небеса.

Тяжелая плита надъ нашей мертвой грудью
Задвинетъ навсегда всѣ вѣщіе пути,
И вѣтеръ будетъ пѣть унылый гимнъ безлюлю...
Намъ умереть нельзя! нѣтъ, мы должны итти!

IX.

В. И. ПРИБЫТКОВУ.

Застольная рѣчь.

Мы здѣсь собрались дружнымъ кругомъ,
Когда весна шумить надъ Югомъ
И тихо голубѣетъ твердь,
Во дни Христова воскресенья,
Когда по храмамъ слышно пѣнье
О побѣдившемъ смертью смерть!

Безсильно таютъ глыбы снѣга,
Рѣка разламываетъ ледъ,
Чтобъ къ морю полетѣть съ разбѣга,
Въ себѣ качая небосводъ.
А по полямъ цвѣтеть, поетъ
Подснѣжниковъ святая нѣга.

Насъ не страшатъ земныя зимы,
Мы веснамъ вѣримъ въ смѣнѣ лѣтъ!
Не такъ ли, костью томимы,
О смерть! мы вѣримъ въ твой объѣтъ!
Нашъ путь далекъ, мы пилигримы,
Но вдалекѣ намъ свѣтитъ свѣтъ.

Да! этотъ міръ какъ призракъ канеть,
Смерть наши узы разорветъ,
И новый день намъ въ душу глянетъ!
Пусть онъ насъ снова отуманить,
И пусть измучить, пусть обманеть,
Но только будь бы зовъ—впередь!

2 апрѣля 1901.

X.

ПАМЯТИ И. КОНЕВСКОГО.

Блаженъ, кто палъ какъ юноша Ахиллъ,
Прекрасный, мощный, смѣлый, величавый
Въ началѣ поприща торжествъ и славы,
Исполненный несокрушенныхъ силъ!

К ю х е л ь б е к е р ь .

И ты счастливъ, намъ скорбь—тебѣ веселье.
Не въ будничныхъ тискахъ ты изнемогъ,
Здѣсь на землѣ ты справилъ новоселье,
И празднично еще горитъ чертогъ.

Ты жаждалъ знать. Съ испугомъ и любовью
Пытливымъ взоромъ ты за грань проникъ,—
Но эти сны не преданы злословью,
Изъ тайнъ не сдѣлано тяжелыхъ книгъ.

Ты просіялъ и ты ушелъ, мгновенный,
Изъ кубка новаго одинъ испивъ.
И что предвидѣлъ ты, во всей вселенной
Не повторить никто... Да ты счастливъ.

Лишь можетъ быть свободныя стихіи
Прочли и отразили тѣ мечты.
Онѣ и ты—вы были какъ родные,
И вотъ вы близки вновь,—онѣ и ты.

Ты между нихъ въ раздольи одинокомъ,
Гдѣ тихій прахъ твой сладко погребенъ.
Какъ хорошо тебѣ въ лѣсу далекомъ,
Гдѣ вѣтеръ, и березы, вязъ, и кленъ.

1901.

XI.

МЛАДШИМЪ.

Тамъ жду я прекрасной дамы.

А. Блокъ.

Они Ее видятъ! они Ее слышатъ!
Съ невѣстой женихъ въ озаренномъ дворцѣ!
Свѣтильники тихое пламя колышатъ,
И отсвѣты радостно блещутъ въ вѣнцѣ.

А я безнадежно бреду за оградой,
И слушаю говоръ за длинной стѣной.
Голодное море безумствовать радо,
Кидаясь на камни, внизу, подо мной.

За окнами свѣтъ, непонятный и желтый,
Но въ небѣ напрасно ищу я звѣзду...
Дойдя до воротъ, на желѣзные болты
Горячимъ лицомъ приникаю—и жду.

Тамъ, тамъ, за дверьми—ликованіе свадьбы,
Въ дворцѣ озаренномъ съ невѣстой женихъ!
Желѣзные болты сломать бы, сорвать бы!..
Но пальцы безсильны и голось мой тихъ.

1903.

XII.

АНДРЕЮ БѢЛОМУ.

Я многимъ вѣрилъ до изступленности,
Съ такой надеждой, съ такой любовью!
И мнѣ былъ сладокъ мой бредъ влюбленности,
Огнемъ сожженный, залитый кровью.

Какъ глухо въ безднахъ, гдѣ одиночество,
Гдѣ замеръ сумракъ молочно-сизый...
Но снова голось! зовуть пророчества!
На мутныхъ высяхъ чернѣютъ ризы!

«Братъ, что ты видишь?»—Какъ отзвукъ молота,
Какъ смѣхъ вѣмранный, мнѣ откликъ слышенъ:
«Въ сіяньи небо—вино и золото!—
Какъ ярки дали! какъ вечеръ пышенъ!»

Отдавшись снова, спѣшу на кручи я,
По острымъ камнямъ, межъ ихъ изломовъ.
Мнѣ рѣжутъ руки цвѣты колючіе,
Я слышу хохотъ подземныхъ гномовъ.

Но въ сердцѣ—съ жаждой рѣшенье строгое,
Горитъ надежда лучемъ усталымъ.
Я много вѣрилъ, я проклялъ многое,
И мстилъ невѣрнымъ въ свой часъ кинжаломъ.

1903.

ЗАМКНУТЫЕ.

ЗАМКНУТЫЕ.

Отрывки неоконченной поэмы.

I.

И Городъ тотъ—былъ замкнуть безнадежно!
Давила съ Сѣвера отвѣсная скала,
Купая груди въ облачномъ просторѣ;
Съ Востока грань песковъ, пустыня, стерегла,
И съ двухъ сторонъ распростиралось море.
О море! даль зыбей! сверканья безъ числа!
На отмели не разъ, глаза, съ тоской прилежной,
Въ узоры волнъ колеблемыхъ вперивъ,
Слѣдилъ я, какъ вставалъ торжественный приливъ,
Высматривалъ, какъ царство водъ безбрежно.
И мнѣ по временамъ мечтались острова
(Въ тотъ часъ, когда заря еще безъ солнца свѣтитъ
И явственной чертой границу дали мѣтитъ).
Но гасло все въ лучахъ, мнѣ памятно едва,
Все въ благостный просторъ вбирала синева,
И снова міръ былъ замкнуть безнадежно.

Но Городъ былъ овѣянъ тайной лѣтъ.
Онъ былъ угрюмъ и дряхль, но гордъ и строенъ

На узкихъ улицахъ дрожаль ослабшій свѣтъ,
 И каждый рѣзкій звукъ казался тамъ утроень.
 Въ проходахъ темныхъ, полныхъ тишины,
 Неслышно прятались пристанища торговли;
 Углами острыми нарушивъ ходъ стѣны,
 Кончали домъ краснѣющія кровли;
 Виднѣлись съ улицы въ готическую дверь
 Огромныя и сумрачныя сѣни,
 Гдѣ вѣчно нѣжились сырыя тѣни...
 И затворялся входъ, ворча какъ звѣрь.

Изъ сѣрыхъ камней выведены строго,
 Являли церкви мощь свободныхъ силъ.
 Въ нихъ духъ столѣтій смѣло воплотилъ
 И вѣру въ геній свой, и вѣру въ Бога.
 Передавался трудъ къ потомкамъ отъ отца,
 Но каждый камень звѣшенъ и размѣренъ,
 Ложился въ свой чередъ по замыслу творца,
 И линій общій строй былъ строгъ и вѣренъ,
 И каждый малый сводъ продуманъ до конца.
 Въ стремленіи въ высь, величественно смѣломъ,
 Вершилось зданіе свободнымъ остріемъ,
 И было конченнымъ, и было цѣлымъ,
 Спокойно замкнутымъ въ себѣ самою.

Въ музеяхъ запертыхъ, въ торжественномъ покоѣ,
 Хранились бережно останки старины:
 Одежды, утвари, оружіе бывшее,
 Трофеи побѣдительной войны,—
 То кормы лодокъ дерзкихъ мореходовъ,
 То кубки съ обликомъ суровыхъ лицъ,
 Знамена покорявшихся народовъ,
 Да клювы неизвѣстныхъ птицъ.
 И все въ себѣ быдую жизнь таило,
 Иныхъ столѣтій пламенную дрожь.
 Какъ въ вѣтеръ вѣрило истлѣвшее вѣтрило!
 Какъ жаждалъ мощныхъ рукъ еще сверкавшій ножъ!..
 А все кругомъ пустынно-глухо было.

Теперь здѣсь жизнь лилась, какъ степью льются воды.
Какъ въ зеркалѣ, днемъ повторялся день,
Съ покорностью свой кругъ кончали годы,
Съ покорностью заря встрѣчала тѣнь.
Случалось въ праздникъ мнѣ, на площадь выйдя рано,
Зайти въ соборъ съ толпой нарядныхъ дѣвъ,
Онѣ молились тамъ умильно, и органа
Я слушалъ между нихъ заушенный нагѣвъ.
Случалось вечеромъ, взглянувъ за занавѣски,
Всецѣло выхватить изъ мирной жизни мигъ:
Тамъ дремлютъ старики, тамъ звонокъ голосъ дѣтскій,
Тамъ въ уголкѣ—невѣста и женихъ.
И только изрѣдка надъ этой сладкой прозой
Вдругъ раздавалась пѣснь ватаги рыбаковъ,
Идущихъ улицей, да грохоталъ угрозой
Далекій смѣхъ безчинныхъ кабаковъ.

За городомъ былъ паркъ, развѣсистый и старый,
Съ руиной замка въ глубинѣ.
Тамъ тайно въ сумерки ходили пары—
«Я васъ люблю» промолвить при лунѣ.
Въ воскресный лѣтній день весь городъ ратью чинной
Сходилъ тамъ—дышать и отдохнуть.
И восхищались всѣ изъ года въ годъ руиной,
И рядъ за рядомъ совершали путь.
Имъ было сладостно въ условности давнишней,
Казались сочтены движенья ихъ.
Кругомъ покой аллея былъ радостенъ и тихъ,
Но въ этой тишинѣ я былъ чужой и лишній,
Я къ пристани бѣжалъ отъ оскорбленныхъ липъ,
Чтобъ сердце вольностью хотя на мигъ растрогать,
Гдѣ съ запахомъ воды сливалъ свой запахъ деготь,
Гдѣ мачтъ колеблемыхъ былъ звученъ скрипъ.

О пристань! я любилъ тотъ немолчный скрипъ,
Такой же, какъ въ быломъ, дошедшій изъ столѣтій,—
И на большихъ шестахъ растянутыя сѣти
И лодки съ грузомъ серебристыхъ рыбъ.

Любилъ я моряковъ нахмуренные взоры
 И твердый голосъ ихъ, иной чѣмъ горожанъ.
 Имъ душу сберегли свободные просторы,
 Ихъ сохранилъ людьми безлюдный океанъ.
 Тамъ было мнѣ легко. Присѣвши на боченокъ,
 Я забывалъ тюрьму меня обставшихъ дней,
 И облака слѣдилъ, какъ радостный ребенокъ,
 И волны пѣли мнѣ все громче, все яснѣй.
 И вѣтеръ съ ними пѣлъ; и чайки мнѣ кричали;
 Чтò было вокругъ меня, все превращалось въ зовъ...
 И раскрывались вновь торжественныя дали:
 Пути, гдѣ граней нѣтъ, просторъ безъ береговъ!

пѣсня о свободѣ.

Васъ много, замкнутыхъ въ невольѣ,
 Въ стѣнахъ, въ условностяхъ, въ любви...
 Будь властелинъ свободной доли,
 И каждый мигъ—живи! живи!

Твоя душа—то ключъ бездонный,
 Не закрывай стремящихъ усть.
 Едва ты встанешь, утоленный,
 Какъ станетъ мѣръ и сухъ и пустъ.

Такъ! слѣлай жизнь единой дрожью,
 И сердцу смолкнуть не позволяй,
 Упейся истиной и ложью,
 Люби восторгъ, люби и боль.

Свобода жаждетъ самовластья
 И души черпаетъ до дна.
 Едва душа вздохнетъ о счастья,
 Она уже отрѣшена.

II.

Надъ нашей жизнью сталъ кумиръ для всѣхъ единый:
То—лицемѣріе, предъ искренностью страхъ!
Мы всѣ притворствуемъ, въ искусствѣ, и въ гостинной,
Въ поступкахъ, и въ движеньяхъ, и въ словахъ.
Вся наша жизнь подчинена условью,
И эта ложь въ вѣкахъ освящена.
Нѣтъ! не упитесь намъ ни гнѣвомъ, ни любовью,
Ни даже горестью—до глубины, до дна!
На свѣтѣ нѣтъ людей—однѣ пустыя маски,
Мы каждымъ взглядомъ лжемъ, мы кроемъ каждый крикъ,
Расчетомъ и умомъ мы оскверняемъ ласки,
И бережетъ пророкъ свой паеосъ лишь для книги!
Отъ этой пошлости, обдуманной, привычной,
Гдѣ можно, кромѣ горь и моря отдохнуть?
Гдѣ можно на людей, какъ есть они, взглянуть.
Тамъ, гдѣ игорный домъ, и тамъ, гдѣ домъ публичный!
Какъ пристани во мглѣ вы выситесь дома,
Убѣжище для всѣхъ, кому запретно поле.
Въ васъ безпристрастіе и купли и найма,
Въ васъ равенство людей и откровенность воли.

Въ игрѣ восторженность побѣды и борьбы,
 Въ развратѣ искренность и словъ и побуждений...
 Мы дни и мѣсяцы актеры и рабы,
 Привѣтъ вамъ, о дворцы свободныхъ откровений.

Когда по городу тѣни
 Протянуты цѣпью желѣзной,
 Ряды безмолвныхъ строеній
 Оживаютъ, какъ призракъ надъ бездной.

Загораются странные свѣты,
 Раскрываются двери какъ зѣвы,
 И въ окнахъ дрожатъ силуэты
 Подъ музыку и напѣвы.

Раскрыты дневныя гробницы,
 Выходить за трупомъ трупъ.
 Загораются румянцемъ лица,
 Кривавится блѣдность губъ.

Пышны и ярки одежды,
 Въ волосахъ алмазный вѣнецъ.
 А взглядишь въ утомленные вѣжды,
 Ты узнаешь, что предъ тобой мертвецъ.

Но страсть, подчиненная платъ,
 Хороша въ огняхъ хрусталей;
 Въ притворномъ ея ароматѣ
 Дыханье желаннѣй полей.

И идутъ, идутъ въ опьяненны
 Отрѣшиться отъ жизни на часъ,
 Вкусить отъ оковъ освобожденье
 Подъ блескомъ обманныхъ глазъ.

Чтобъ въ мірѣ, на свой непохожемъ,
 Отъ свободы на мигъ изнемочь.
 Тотъ міръ ничѣмъ не тревожимъ,
 Пока полновластна ночь.

Но въ туманѣ улицы длинной
 Заблѣбегъ тусклый разсвѣтъ.
 И вдругъ все мертво и пустынно,
 Ни свѣтовъ, ни красокъ нѣтъ.

Безобразныхъ, грязныхъ строеній
 Таютъ при днѣ вереницы,
 И женщинъ бѣлыя тѣни,
 Какъ трупы, ложатся въ гробницы.

Нельзя намъ не мечтать о будущихъ вѣкахъ,
 О городахъ, грядущихъ безъ исхода.
 Тѣ камни тяжкіе—ихъ первый шагъ,
 Свѣтъ электрической—предвѣстникъ ихъ прихода.
 Громадный городъ-домъ, размѣченный по числамъ,
 Обязанъ жизнию (машина изъ машинъ!)
 Колесамъ, блокамъ, коромысламъ,
 Предчувствую тебя, земли желанный сынъ!
 Предчувствую я жизнь замкнутыхъ поколѣній,
 Ихъ думы, сжатая познаниемъ, ихъ мечты,
 Мечтамъ былыхъ вѣковъ подвластны какъ тѣни,
 Весь ужасъ переставшей пустоты!
 Предчувствую раба подавленную ярость
 И торжествующихъ многообразный сонъ,
 Всѣхъ нашихъ помысловъ блистательную старость
 И часъ предсказанныхъ временъ!

Да, намъ не избѣжать мучительныхъ паденій,
 Погибели всѣхъ благъ, чѣмъ мы горды!
 Настанетъ снова бредъ и крови и сраженій,
 Вновь раздѣлится міръ на вражьи двѣ орды.

Борьба, какъ ярый вихрь, промчится по вселенной
И въ бѣшенствѣ смететъ, какъ травы, города,
И будутъ волки выть надъ опустѣлой Сеной,
И стѣны Тауэра исчезнутъ безъ слѣда.

Во глубинахъ души изъ тьмы тысячелѣтій
Возникнутъ ужасы и радость бытія,
Народы будутъ хохотать какъ дѣти,
Какъ тигры грызться, жалить какъ змѣя.

И все, что насъ гнететъ, снесетъ и свѣтъ время,
Всѣ чувства давнія, всю власть завѣтныхъ словъ,
И по землѣ взойдетъ невѣдомое племя,
И будетъ снова міръ таинствененъ и новъ.

Въ руинахъ, звавшихся парламентской палатой,
Какъ будетъ радостенъ дѣтей свободныхъ крикъ,
Какъ будетъ весело дробить останки статуй
И складывать костры изъ безконечныхъ книгъ.

Освобожденіе, восторгъ великой воли,
Привѣтствую тебя и славлю изъ цѣпей!
Я узникъ, рабъ въ тюрьмѣ, но вижу поле, поле...
О солнце! о просторъ! о высота степей!

Ревель, 1900. Москва, 1901.

ГОРОДЪ ЖЕНЩИНЪ.

ГОРОДЪ ЖЕНЦИНЪ.

Домчало насъ къ пристани въ часъ предвечерній,
Когда на столбахъ зажигался закатъ,
И волны старались плескаться размѣрнѣй
О плиты бассейновъ и сходы аркадъ.
Былъ берегъ таинственно пустъ и неслышенъ.
Во всей красотѣ златоаморныхъ стѣнъ,
Дворцами и храмами, легокъ и пышенъ,
Весь городъ вставалъ изъ прибоевъ и пѣнъ.
У пристани тихо качались галеры,
Какъ будто сейчасъ опутивъ паруса,
И видѣлись улицы, площади, скверы,
А дальше весь край занимали лѣса.
Но не было жизни и не было люда,
Закрытыя окна слагались въ ряды,
И только картины глядѣли оттуда...
И звукъ не сливался съ роптаньемъ воды.
Насъ лоцманъ не встрѣтилъ, гостей неизвѣстныхъ,
И намъ не пропѣла съ таможни труба,
И мы, проходя близъ галеръ многомѣстныхъ,
Узнали, что пусты онѣ какъ гроба.

Мы тихо пристали у длиннаго мола,
 И бросили якорь и подняли флагъ.
 Мы сами молчали въ тревогѣ тяжелой,
 Какъ будто грозилъ неизвѣданный врагъ.
 Насъ шестеро вышло бродягъ неуклонныхъ,
 Искателей дней, любопытныхъ къ судьбѣ,
 Мы дома не кинули дѣвъ обрученныхъ,
 И каждый заботился лишь о себѣ.
 Съ нѣмого проспекта сойдя въ переулки,
 Мы шли и стучались у мертвыхъ дверей,
 Но только шаги были четки и гулки,
 Да стекла дрожали большихъ фонарей.
 Какъ будто манили къ себѣ магазины,
 И груды плодовъ и бутылки вина...
 Но насъ не окликнулъ привѣтъ ни единый...
 И вотъ начала насъ томить тишина.

А съ каждымъ мгновеньемъ яснѣй, неотвязнѣй
 Кругомъ разливался и жилъ аромать.
 Мы словно тонули въ какомъ то соблазнѣ
 И шли и не знали, пойдемъ ли назадъ.
 Все было безмолвно, мертво, опустѣло,
 Но всюду, у портиковъ, въ сводахъ, въ тѣни
 Дышало раздѣтое женское тѣло,—
 И въ запахѣ этомъ мы были одни.
 Впивая его раздраженнымъ дыханьемъ,
 Мы стали пьянѣть, какъ отъ яда змѣи.
 Никто, обжигаемый жаднымъ желаньемъ,
 Не могъ подавлять трепетанья свои.
 Мы стали кидаться на плотныя двери,
 Мы стали ломиться въ рѣшетки окна,
 Какъ первые люди, какъ дикіе звѣри...
 И мгла была запахомъ тѣла полна.

Безъ цѣли, безъ мысли, тупы, но упрямы,
 Мы долго качали затворы дворца...
 И вдругъ подломились желѣзные рамы...
 Мы замерли,—сразу упали сердца.

Потомъ мы рванулись, тѣснясь, угрожая,
 Мы вспрыгнули въ заль, побѣжали впередъ.
 На комнаты мгла налегала ночная,
 И громко на крики отвѣтствовала сводъ.
 Мы вокругъ обѣжали пустыя палаты,
 Взобрались на верхъ, осмотрѣли весь домъ:
 Все было наполнено, свѣжо, богато,
 Но не было жизни въ жилищѣ пустомъ.
 И запахъ такой же, полнѣй, изначальнѣй,
 Въ покояхъ стоялъ, возрастая въ тѣни,
 И на полъ упали мы въ шелковой спальнѣ,
 Цѣлуя подушки, ковры, простыни.
 И ночь опустила, и мы не поднялись,
 И насъ наслажденье безмѣрное жгло,
 И мы содрогались, и мы задыхались...
 Когда мы очнулись,—ужь было свѣтло.

Мы шестеро вышли на воздухъ, къ свободѣ,
 Безъ словъ отыскали на берегъ пути
 И такъ же безъ словъ притаились въ проходѣ:
 Мы знали, что дальше не должно итти.
 И долго, подъ мраморнымъ портикомъ стоя,
 Съ предѣла земли не спускали мы глазъ.
 Корабль нашъ качался на зыби прибоа,
 Мы знали, что онъ дожидается насъ.
 По улицамъ, клича, друзья насъ искали.
 Но слыша, какъ близятся ихъ голоса,
 Мы прятались быстро въ проходѣ, въ подвалѣ...
 И послѣ корабль распустилъ паруса.
 Поплылъ въ широту и въ свободное море,
 Гдѣ бури и солнце и подвиги есть,
 И только въ словахъ баснословныхъ исторій
 Объ насъ, для безумцевъ, останется вѣсть.

Товарищи! братья! плывите! плывите!
 Забудьте про тайну далекой земли!
 О счастливъ, кто дремлетъ въ надежной защитѣ,—
 Но, дерзкіе, здѣсь мы не смерть обрѣли!

Найти здѣсь легко пропитанье дневное.
Нѣтъ, мы не умремъ,—но весь день нашъ уныль,
И только встрѣчая дыханье ночное,
Встаемъ мы въ волненьи воскреснувшихъ силъ,
И бродимъ по городу въ злыхъ ароматѣ,
И входимъ въ дворцы и въ пустые дома
Навстрѣчу открытыхъ незримыхъ объятій—
И вплоть до разсвѣта ласкаетъ насъ тьма.
Въ ней есть наслажденье до слезъ и до боли,
И сладко лежать намъ въ пыли и въ крови,
И счастью въ замѣну не надо намъ воли,
И зримыхъ лобзаній, и явной любви!

Венеція, 1902.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ.

•

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ.

Онъ придетъ, обезумѣвшій міръ,
Который поэтомъ прославленъ.
Будетъ сладостнымъ ядомъ отравленъ
Воздухъ и самый эфиръ.
Съ каждымъ мигомъ впивая отраву,
Обезумѣютъ бѣдные дѣти земли:
Мудрецы—земледѣльцы—пѣвцы—короли—
Звѣри—птицы—деревья—и травы.

Станутъ распускаться странные цвѣты,
Яркіе какъ солнце, дышашіе пряно,
Открывая къ воздуху жаждушіе рты.
Яркостью неожиданной заблестѣвъ, поляны
Заструятъ томительный, жгучій аромать.
Птицы изступленныя стаями взлетятъ,
Надъ блестящимъ городомъ и на мѣстѣ дикомъ
Замелькаютъ съ радостнымъ, многосложнымъ крикомъ.
Островами новыми встанутъ въ океанѣ
Сонмы рыбъ, гѣснящихся въ ярости желаній.

Разбѣгутся звѣри по полямъ и нивамъ,
Прыгая, кувыряясь въ полуснѣ счастливомъ,
И на бѣлой площади сѣверной столицы
Будутъ ползать змѣи и скакать тигрицы.

И люди, медленно пьянѣя,
Забудутъ скудныя дѣла,
Какъ будто первая Астрея
Въ міръ изнемогшій снизошла.

Затихнутъ страшныя машины
И фабрикъ рѣзкіе гудки,
И не подыметъ ни единый
Пилы, лопаты иль кирки.

Всѣ будутъ въ праздничныхъ одеждахъ
Въ поляхъ, въ пути, на площадяхъ,
Твердя о сбывшихся надеждахъ,
Восторженно цѣлуя прахъ.

И вдругъ все станетъ такъ понятно:
И жизнь земли, и голосъ рѣкъ,
И звѣздъ магическія пятна,
И золотой наставшій вѣкъ.

Возстанутъ новые пророки,
Съ святымъ сіяньемъ вкругъ волосъ,
Твердя, что совершились сроки
И чаянье всемірныхъ грезъ!

И люди всѣ, какъ сестры-братья,
Семья единого отца,
Протянутъ руки и объятъ,
И будетъ радость безъ конца:

Земля, какъ всегда, не устанетъ кружиться,
 Вкушая то знойнаго свѣта, то ночи,
 Но снами никто не захочетъ упиться,
 И будутъ во мракѣ восторженнѣй очи.
 Въ полярныхъ пустыняхъ, въ тропическихъ чашахъ,
 Въ открытыхъ дворцахъ и на улицахъ шумныхъ
 Начнутся неистовства сонмовъ кипящихъ,
 Пиръ и веселья народовъ безумныхъ.
 Покорные тѣмъ же властительнымъ чарамъ,
 Веселые звѣри вмѣшаются въ игры,
 И дѣвушки въ пляскѣ прильнуть къ ягуарамъ,
 И будутъ съ дѣтьми какъ ровесники тигры.
 Безмѣрные хоры и пѣсенъ и криковъ,
 Какъ дымы, подымутся въ небо глухое,
 До Божьихъ подножій, до ангельскихъ ликовъ,—
 Мирамъ славословя блаженство земное.

Дыханьемъ, наконецъ, безильно опьянѣвъ,
 Гдѣ въ зимнемъ блескѣ звѣздъ, гдѣ въ яркомъ лѣтнемъ свѣтѣ,
 Возжаждутъ всѣ любви—и взрослые и дѣти—
 И будутъ женщины искать мужчинъ, тѣ—дѣвъ.

И всѣ найдутъ себѣ, кто друга, кто подругу,
 И силъ не будетъ имъ насытить страсть свою,
 И съ Сѣвера на Югъ и вновь на Сѣверъ съ Юга
 Помчатъ великій вихрь единый стонъ: «люблю!»

И звѣри межъ людей на тѣхъ же камняхъ лягутъ,
 Ласкаясь и любясь, визжа и хохоча,
 На ступеняхъ дворцовъ, у позабытыхъ пагодъ,
 Въ раздолиі полей, близъ моря, у ключа.

И странные цвѣты живыми лепестками
 Засыплотъ, словно снѣгъ, лежащія тѣла,
 И будетъ въ яркій день лазурь горѣтъ звѣздами,
 И будетъ ночи мгла, какъ знойный часъ, тепла.

Среди чудовишныхъ видѣній и фантазій,
Среди блуждающихъ и плоть принявшихъ сновъ,
Все жившее замреть въ восторженномъ экстазѣ,
И Смерть закинетъ сътъ на свой послѣдній ловъ.

Ничто не избѣжитъ своей судьбы блаженной,
Какъ первые въ раю—послѣдніе уснутъ...
И ангелъ вострубитъ надъ смолкнувшей вселенной,
Всѣ тысячи вѣковъ зова на общій судъ.

1903.

СОДЕРЖАНИЕ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стихотворенія, отмѣченныя звѣздочкой, появляются въ печати
въ первый разъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

ДУМЫ. ПРЕДЧУВСТВІЯ.

	Стр.
I. Вступленіе	3
II. Лѣстница	4
III. Последнее желанье	5
*IV. У себя	6
*V. Побѣгъ	7
*VI. Работа	9
VII. Искатель	11
VIII. Нить Ариадны	13
IX. Блудный сынъ	15
*X. У земли	17
XI. Въ отвѣтъ	19

ПѢСНИ.

I. Фабричная	23
II. Фабричная	25
III. Солдатская	27
IV. Дѣтская	29
V. Сборщиковъ	30
*VI. Дѣвичья	31
VII. Веселая	33

II

ДУМЫ. ИСКАНІЯ.

	Стр.
† I. L'ennui de vivre	37
★ II. Habet illa in alvo	40
*III. Искушеніе	43
IV. Италія	47
*V. Парижъ	50
*VI. Миръ	53
‡ VII. In hac lacrimarum valle	56

БАЛЛАДЫ.

*I. Рабъ	61
II. Пеплумъ	63
*III. Рабыни	65
IV. Помпсянка	67
*V. Дѣва	69
‡ *VI. Путникъ	71
*VII. Рѣшетка	74

ЭЛЕГИИ.

X *I. Женщинамъ	77
*II. Свиданіе	79
III. Гиацинтъ	81
*IV. Эпизодъ	83
V. Въ ночномъ безлюдіи	85
VI. Въ Дамаскъ	87
*VII. Пытка	88
*VIII. Таинства ночей	89
IX. Башня любви	90
X. Прощальный взглядъ	91
*XI. Одиночество	93
*XII. Къ близкой	95

СОНЕТЫ И ТЕРЦИНЫ.

I. Образъ	99
*II. Втируша	100
*III. Отверженіе	101

	Стр.
IV. Лѣсная дѣва	102
*V. Mon rêve familier	105
VI. Sancta Agatha	107
✧ VII. Терцины къ спискамъ книгъ	109

КАРТИНЫ. НА УЛИЦѢ.

I. Люблю одно	113
*II. Прелести земли	114
*III. Зимніе дымы	115
*IV. Раньше утра	117
*V. Каменьщикъ	118
VI. Мальчикъ	119
✧ *VII. Царица	120
✧ *VIII. Прохожей	121
*IX. Голосъ часовъ	122
*X. На скачкахъ	123
✧ *XI. Чудовище	124
✧ *XII. Очки демоновъ	125
*XIII. Ночь	127

АНТОЛОГІЯ.

I. Яростныя птицы	131
*II. Сладострастіе	132
*III. Въ раю	133
*IV. Ледъ и уголь	134
*V. Сонъ	135
✧ *VI. Зимняя красота	136
✧ *VII. Знойный день	137
VIII. У зеркала	138
*IX. Облака	139
*X. Камни	140
*XI. Теремъ	141
XII. Старый викингъ	142
XIII. Tertia Vigilia	143
✧ *XIV. На пескѣ	144
✧ *XV. Колыбельная пѣсня	145
*XVI. Презрѣніе	147
*XVII. Неколебимой истинѣ	148

IV

ОДЫ И ПОСЛАНИЯ.

	Стр.
*I. К. Д. Бальмонту	151
*II. Ему же	153
III. Наполеонъ	155
IV. Левъ святого Марка	157
*V. Венеція	159
VI. Марія Стюартъ	160
VII. Июль 1903 г.	161
*VIII. Ю. Балтрушатику	162
IX. В. И. Прибыткову	163
X. Памяти И. Коневского	165
XI. Младшимъ	167
*XII. Андрею Бѣлому	168

ПОЭМЫ.

Замкнутые	171
* Городъ женщинъ	181
* Последний день	187

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПОНЪ“.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗДАНІЯ (1903 г.).

- К. Д. Бальмонтъ.** Будемъ какъ солнце. Книга символовъ. Обложка работы художника Фидуса. Ц. 2 р. 40 к.
- Валерій Брюсовъ.** *Urbi et orbi.* Стихи 1900—1903 г. Ц. 2 р.
- А. С. Мережковский.** Собраніе стиховъ. 1883—1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
- З. Н. Гиппиусъ.** Собраніе стиховъ. 1889—1903 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Андрей Бѣлый.** Сѣверная симфонія. (1 симфонія). Ц. 1 р.
- Лукрецій Каръ.** О природѣ вещей. Перевелъ съ латинскаго размѣромъ подлинника И. И. Рачинскій. Ц. 2 р.
- Ст. Пшибышевскій.** *Ното Саріенс.* Романъ въ трехъ частяхъ. 1) На распутыи. 2) Мимоходомъ. 3) Въ Мальстремѣ. Переводъ М. Н. Семенова. М. 1903. Ц. 2 р. 40 к.
- А. С. Пушкинъ.** Труды и дни. Хронологическія данныя, собранныя Н. Лернеромъ. М. 1903. Ц. 1 р.
- Письма Пушкина и къ Пушкину.** Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сѣверные Цвѣты.** Третій Альманахъ. М. 1903 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Андрей Бѣлый.** Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ. (Выидеть въ октябрѣ 1903 г.).
- Федоръ Сологубъ.** Стихи. Книга III и IV. (Выидеть въ октябрѣ 1903 г.).
- Ив. Коневской.** Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій со статьей о жизни и творествѣ Ив. Коневского. (Выидеть въ октябрѣ 1903 г.).

ИЗДАНІЯ 1900—1902 г.

- Генрикъ Ибсенъ.** Когда мы мертвые проснемся. Изданіе второе. М. 1900. Ц. 50 коп.
- Кнутъ Гамсунъ.** Съеста. Очерки. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900. Ц. 1 р.
- Александръ Добролюбовъ.** Собраніе стиховъ. Предисловія Ив. Коневского и Валерія Брюсова. М. 1900 г. Ц. 60 к. (Распродано).
- Габріэль д'Аннунціо.** Трагедіи. Переводъ съ итальянскаго Ю. Балтрушайтиса. М. 1900. Ц. 1 р. 25 к.
- Артуръ Шнитцлеръ.** Зеленый попугай. Трилогія. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1900 г. Ц. 60 к.
- Валерій Брюсовъ.** *Tertia Vigilia.* Книга новыхъ стиховъ (1897—1900). М. 1900 г. Ц. 1 р.

- Ив. Бунинъ.** Листопадъ. Стихотворенія. М. 1901 г. Ц. 1 р.
- Кнутъ Гамсунъ.** Панъ. Предисловіе К. Д. Бальмонта. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1901 г. Ц. 1 р.
- Съверные Цвѣты.** Альманахъ на 1901 г. Обложка работы К. Сомова. М. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Эдгаръ По.** Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта. М. 1901 г. Томъ I. Поэмы, сказки. Ц. 1 р. 50 к.
- Д. Мережковский.** Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV вѣка. М. 1902 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Съверные Цвѣты.** Альманахъ на 1902 годъ. Обложка и виньетки работы К. Сомова. М. 1902. Ц. 2 р.
- Андрей Бѣлый.** Симфонія (вторая, драматическая) въ 4-хъ частяхъ. М. 1902. Ц. 1 р. (Распродано).
- А. А. Миропольскій.** Лѣствица. Поэма. Предисл. Валерія Брюсова. М. 1902. Ц. 60 к. (Распродано).
- Г. Ландсбергъ.** Долой Гауптмана! Переводъ. М. Н. Семенова. М. 1902. Ц. 70 к.
- Кнутъ Гамсунъ.** Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1902 г. Ц. 50 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ.

- Ст. Пшибышевскій.** Книга вторая. Pro domo mea. De profundis. Заупокойная месса. У моря. Вигилии. Къ психологін индивидуума: Шопенъ и Ницше. Ола Гансонъ. Вознесеніе. In hac lacrimatum valle. Стихи-пѣсни Конрада Анзорге и др.
- Д. С. Мережковский.** Судьба Гоголя. Исслѣдованіе.
- Ф. Сологубъ.** Разсказы.
- Ю. Балтрушайтисъ.** Бедуины. Морской царь. Вечеръ. Спутники Колумба. Книга поэмъ.
- Вячеславъ Ивановъ.** Прозрачность. Вторая книга лирики.
- Л. Зиновьева.** Кольца. Драма въ 3 дѣйствіяхъ.
- К. Д. Бальмонтъ.** Изъ англійскихъ поэтовъ. Характеристики и переводы.
- Эдгаръ По.** Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Томъ II.
- Демоническія драмы** испанскаго театра въ переводѣ К. Д. Бальмонта.
- Н. М. Минскій.** Сборникъ стиховъ. (Съ 1901 года).

Каталогъ книгоиздательства „Скорпіонъ“ высылается по требованію безплатно.

Адресъ книгоиздательства: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, 23.

Съ 1908 года начался изданіемъ въ С.-Петербургѣ

НОВЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НОВЫЙ ПУТЬ

ЗАДАЧА ЖУРНАЛА: Дать возможность выразиться, въ какой бы то ни было литературной формѣ—въ повѣствованіи, въ стихахъ, въ философскомъ разсужденіи, въ научной статьѣ, или въ бѣглой замѣткѣ,—тѣмъ новымъ теченіямъ, которыя возникли въ нашемъ обществѣ, съ пробужденіемъ религіозно-философской мысли. Прежнее утилитарно-позитивное міросозерцаніе, не включавшее въ себя ни искусства, ни философіи, ни даже науки, во всей возможной ихъ сложности, уже безсильно отвѣтитъ на запросы современнаго сознания и на нашихъ глазахъ смѣняется иными исканіями. Итти навстрѣчу духовной работѣ общества, вызываемой этимъ знаменательнымъ переломомъ,—такова цѣль новаго журнала. Журналъ держится принципа полной терпимости ко всякому серьезному убѣжденію.

Между прочимъ, въ 1902 г. въ журналъ помѣщались записки петербургскихъ Религіозно-Философскихъ Собраній, начавшихся съ осени 1901-го года и привлекшихъ живое вниманіе общества.

РАЗРѢШЕННАЯ ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Беллетристика—оригинальная и переводная (романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, путевые очерки, стихотворенія и проч.). 2) Критика, публицистика и библиографія. 3) Статьи по вопросамъ религіозно-философскимъ и этическимъ. 4) Научный отдѣлъ. 5) Статьи по вопросамъ исторіи и культуры. 6) Обзоръ отечественной и иностранной жизни. 7) Художественная хроника. Театръ и музыка. Отчеты о выставкахъ. 8) Отчеты о дѣятельности обществъ: научныхъ, философскихъ, художественныхъ и друг. 9) Судебный отдѣлъ. 10) Общій отдѣлъ (корреспонденціи, разныя извѣстія, мелкія литературныя замѣтки). 11) Портреты, иллюстраціи и чертежи. 12) Объявленія.

Журналъ выходитъ **ежемѣсячно**, около 15-го числа каждаго мѣсяца, книжками до 20 печатныхъ листовъ, въ форматѣ заграничныхъ ежемѣсячниковъ.

Редакція и контора: **С.-Петербургъ, Саперный 10.**

Цѣна: на годъ 7 руб. съ доставкой и пересылкой; безъ дост. 6 руб. 50 к. По полугодіямъ: первое 4 руб., второе 3 руб. За границу 10 руб. Отдѣльная книжка—1 р. **Подписка**, кромѣ конторы журнала, принимается во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель **П. ПЕРЦОВЪ.**

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ФР.
НИЦШЕ ВЪ ПЕРЕВОДѢ — К. Д.
БАЛЬМОНТА, Ю. БАЛТРУШАЙТИСА,
ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА, АНДР. БЪЛАГО,
ПР.-ДОЦ. Д. В. ВИКТОРОВА, ВЯЧ.
ИВАНОВА, С. А. ПОЛЯКОВА, М. Н.
СЕМЕНОВА И ДР. ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.